

Владимир Внук

БЕСКОРОЛЕВЪЕ

Владимир Внук

Бескоролевье

«Автор»

2025

Внук В. К.

Бескоролье / В. К. Внук — «Автор», 2025

После смерти польского короля Яна III в Речи Посполитой начинается период бескоролья. Самые могущественные монархи мира: император Леопольд I и король Людовик XIV – вступают в тайную, но бескомпромиссную схватку за польский престол. Ставки высоки: скоро начнётся война за Испанское наследство, и от того, кто станет польским королём, будет зависеть расклад сил в Европе. Но француз на польском троне – это неизбежный союз королевства Франции, Речи Посполитой и Оттоманской Порты, направленный против России. Пётр I, путешествуя инкогнито по Европе, быстро постигает азы большой европейской политики и принимает решение, от которого будет зависеть не только судьба польской короны, но и исход войны за Испанское наследство и Великой Северной войны...

© Внук В. К., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

36

Владимир Внук

Бескорольевье

Владимир Внук

БЕСКОРОЛЕВЬЕ

Роман-хроника

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
ЗАКАТ СТОЛЕТИЯ

Глава I. Анафема

18 апреля 1694 года виленский Кафедральный костел святого Станислава был мрачен в своем торжественном убранстве, своды сотрясались от надрывного гудения органа, сотни монашеских голосов сливались в единый хор, а над городом плыл тяжелый колокольный звон, заставляя человеческие сердца сжиматься от страха перед гневом небесным: с амвона Кафедрального собора первый прелат Великого Княжества Литовского, их преосвященство епископ виленский, секретарь великий литовский, князь Святого Престола Константин Казимир Бжостовский предавал анафеме великого гетмана литовского, воеводу виленского Казимира Павла Яна Сапегу.

К куполу собора возносились слова проклятия: «Данной нам властью связывать и освобождать в рае и на земле, мы лишаем тебя, Яна Павла Казимира Сапегу, и всех соумышленников твоих, общности тела и крови нашего Господа, мы исключаем тебя от лона нашей святейшей Матери Церкви, в рае и на земле, мы объявляем тебя осужденным к гибели, к огню вечному...»

По случаю торжественной службы епископ облачился белоснежную альбу, поверх одел столу красного цвета, а на голову водрузил высокую митру. За спиной епископа полукругом стояли двенадцать ксендзов со свечами в руках. Неровное пламя освещало белые мраморные колонны.

Однако, несмотря на торжественность момента, людей в храме было немного. И первое, что бросалось в глаза – на церемонию явились лишь ксендзы виленской епархии, подчиненные непосредственно архиепископу – остальные предпочли оказаться в стороне от организованного епископом действия.

Над могилами великих литовских князей – Витовта, Сигизмунда, Свидригайла, Александра – гремел голос прелата: «Да ниспошлет Господь на тебя и голод, и жажду, и муки, и страдания, и душевные терзания, и напасти злых ангелов, пока не попадешь ты в глубины ада, где будешь терпеть вечный мрак и негасимый пламень, жажду без утоления и голод без насыщения, страх и отчаяние, боль и стыд. Да будешь ты проклят всюду, где бы ни находился: в доме, в поле, на большой дороге, в пустыне и даже на пороге церкви. Да будешь проклят ты в часы жизни и в час смерти. Да будешь проклят ты во всех делах своих, когда пьешь или ешь, алкаешь или жаждешь, спишь или бодрствуешь. Да будешь проклят ты во всех частях своего тела, внутренних и внешних, во всех суставах членов своих».

Епископ на секунду замолк, набрал в легкие побольше воздуха, и возвысив голос, воскликнул: «И чтобы небо и все живые силы обратились на тебя, чтоб проклинать до тех пор, пока не дашь ты нам открытого покаяния! Amen».

– Fiat! Fiat! Fiat!¹ – отозвались стоявшие за спиной епископа ксендзы. Спустя мгновение двенадцать свечей были потушены и брошены на пол – в знак того, что великий гетман литовский отныне отрешается от лона святой католической церкви и становится вовеки веков жалким, отверженным, презираемым и всеми гонимым существом.

Наконец в храме воцарилось молчание.

Далекий звук пушечного выстрела заставил всех присутствующих вздрогнуть. Нарушая торжественный обряд службы, к епископу подошёл монах и что-то прошептал на ухо. Епископ нахмурился, побледнел, и спустя секунду скрылся в каплице святого Казимира. Монах осторожно притворил за прелатом двери.

Епископ опустил на скамью и, уткнув мясистый подбородок в кулак, и погрузился в воспоминания о событиях двухлетней давности, когда Сапега разместил литовские войска на постой в церковных имениях. В ответ Бжостовский распорядился закрыть ряд костелов, включая виленский кафедральный собор Святого Станислава. Первый прелат Великого Княжества Литовского целый год требовал от великого гетмана литовского компенсацию за убытки, причиненные церковным владениям – все было тщетно...

В каплицу вошёл человек, облаченный в одежду каноника – однако огромный рост, широкие литые плечи и пристальный взгляд холодных немигающих глаз говорили о том, что церковное облачение этот человек носит не по призванию сердца, а по каким-то иным обстоятельствам.

– Что там? – вполголоса спросил Бжостовский.

– Гетман пирует у себя на Антоколе. Стреляет из пушек.

– Кто с ним?

– Человек сто шляхты.

– Подскарбий там?

– И подскарбий, и все остальные Сапеги.

Епископ вытер платком вспотевшие шею и лоб.

– Ладно. Письмо в Рим готово?

Каноник с поклоном подал епископу резной ларец из кости. Бжостовский вынул свернутый в трубку лист.

– И еще, пан Белозор. Повторно потребовать, чтобы обряд анафемы был повторен во всех кляштарях и костелах виленских, со всех амвонов.

– Будет исполнено, ваше преосвященство.

Епископ развернул лист и, быстрым взглядом пробежав содержание письма, снова протер вспотевший лоб. Надо было действовать, причем быстро и решительно. Гетман, без сомнения, подаст апелляцию его святейшеству папе. Его надо было опередить во что бы то ни стало.

– Сегодня же отправь в Рим.

Белозор наклонил голову, тенью скользнул вдоль темно-красных, увенчанных золотой лепниной гранитных колонн и скрылся в боковом проходе.

Оставшись один, епископ преклонил колени перед чудотворным образом святого Казимира. По преданию, иконописцу не понравилось, что правая рука святого, держащая лилию, получилась слишком длинной. Иконописец покрасил её и написал другую руку, но первая рука проступила сквозь слой краски. Так образ и остался с тремя руками.

Уста епископа стали произносить заученные слова молитвы, однако они не находили отклика в сердце – мысли прелата были далеко.

Как он, умудрённый и годами, и жизненным опытом, не смог довести дело до желаемого конца? На церемонию явились лишь немногие прихожане, в то время как большинство виленских ксендзов и настоятелей кляштаров проигнорировали церемонию. Беспokoило епископа

---

¹ Да будет так! Да будет так! Да будет так! (лат.)

упорное молчание примаса Радзиевского и папского нунция монсеньера Дориа. Наконец, ни для кого не было секретом истинная мотивация действий епископа – личная неприязнь к гетману, с годами переросшая в смертельную вражду между первым прелатом и высшим сановником Великого Княжества Литовского.

Но главное – Бжостовский понимал сомнительную легитимность своего предприятия: решение о предании великого гетмана анафеме было принято им единолично, без согласования с другими прелатами Литвы. Более того – Сапега слыл добрым католиком и верным сыном Римской католической церкви: он жертвовал на костелы гигантские суммы, недавно на собственные средства отстроил костел Архистратига Михаила на Антоколе и кляштар доминиканцев в Заславле. Неудивительно, что среди высшего духовенства у гетмана нашлись и заступники. Но Бжостовский не отчаивался: два года он плёл густую и прочную сеть интриг, подкупал, угрожал, подготавливая последний удар. И вот этот день настал – сегодня, по замыслу епископа, гетман должен быть обращён в ничтожество, в прах, в живой труп. Однако вместо разящего удара молнии прогремел холостой выстрел.

Бжостовский резко поднялся с колен, перекрестился и торопливо вышел из часовни.

Так начался первый акт затяжной агонии Республики Обоих Народов, которая спустя век завершится распадом и гибелью государства. Целое столетие Речь Посполитая – некогда крупнейшее государство Европы – будет биться в жестоких и болезненных конвульсиях, пока, наконец, не прекратит своё существование и не исчезнет с карты мира.

Но пока об этом не мог знать ни один из участников драмы.

Глава II. Конец одного царствования

Вечером 17 июня 1696 года в саду Вильяновского дворца под Варшавой прогуливались три человека.

Первым был Ян Собеский, король Польский и Великий князь Литовский, Русский, Прусский, etc. Увы, победитель осман и освободитель Европы от турецкой угрозы ныне напоминал обветшавший памятник самому себе – обрюзгший, с нездорово-красным лицом, он ходил с видимым усилием, и часто, мучимый одышкой, был вынужден останавливаться.

Справа от короля шёл Марек Матчинский, воевода русский, близкий друг монарха. Ещё со времен рокоша князя Любомирского Собеский и Матчинский стали неразлучны. В славном 1683 году Матчинский, будучи адъютантом и телохранителем Яна Собеского, не покидал своего короля ни на минуту. Именно Матчинскому принадлежала земля в Вильяново, на которой стоял королевский дворец – согласно Генриховым артикулам, монарх был не вправе приобрести землю в Речи Посполитой, вследствие чего в сделке приобретения земли под королевскую резиденцию в качестве покупателя выступил воевода русский.

Слева от короля шёл высокий, одетый в сутану человек, с приятными манерами, тихим голосом и мягкой улыбкой. То был небезызвестный Мельхиор де Полиньяк, посланник наихристианнейшего короля Людовика в Варшаве. О нём расскажем подробнее.

Будучи вторым сыном виконта Луи Армана де Полиньяка, маркиза де Шалансона, Мельхиор не мог унаследовать титула и земель отца, и потому был вынужден выбрать духовную карьеру, но истинным его призванием стала дипломатия. В ходе последнего конклава Полиньяк приложил все усилия для избрания кардинала Растрелло, который и надел тиару, приняв имя Иннокентия XII. Когда все проблемы в Риме были улажены, король Людовик отправил Полиньяка в Варшаву. Едва прибыв в Польшу, аббат разобрался в хитросплетениях внутренней политики Речи Посполитой и сумел найти общий язык с королём и магнатами. Не последнюю роль сыграло и то обстоятельство, что внешняя и внутренняя политика во многом творилась в покоях королевы Марии Казимиры, урожденной д'Аркьен. Злые языки поговаривали об интимной связи, якобы существовавшей между французским посланником и королевой:

аббата нередко видели в покоях королевы, а сама Мария Казимира иногда появлялась в резиденции французского посла – фольварке Флерон под Варшавой.

Итак, в тот знаменательный день король, воевода русский и французский посланник, прогуливаясь по дорожкам Вильяновского парка, вели разговор о делах турецких.

– Союз с Габсбургами есть явление, противоречащее здравому смыслу и коренным интересам Речи Посполитой, – мягким голосом, словно читая проповедь, говорил посол. – Подумайте сами, ваша милость, сколько крови пролито, сколько денег потрачено во имя чужих интересов. Урожай, выращенный вами, пожали австрийцы и москвиты. Польша не получила ничего.

– Нам нужен мир на юге, – угрюмо ответил король, углубленный в размышления.

– Но не лучше ли достичь мира путем переговоров?

– Мы не можем расторгнуть союз с императором.

– Габсбурги способны лишь на чёрную неблагодарность. Сей род добился своего могущества исключительно благодаря предательству. Неблагодарность – такая же наследственная черта Габсбургов, как губа и подбородок.

Французский посланник засмеялся над собственной шуткой, однако последние слова аббата заставили короля нахмуриться и ускорить шаг. Ян Собеский до сих пор не забыл, как Леопольд демонстративно отказал его старшему сыну, Якобу, в руке своей дочери, эрцгерцогини Марии Антонины – по мнению императора, род Собеских был слишком худородным, чтобы породниться с Габсбургами.

Собеседники между тем прошли в аллею померанцевых деревьев, на которых уже завязались первые плоды. Деревья росли в гигантских кадучках – с осени по весну их держали в особых зимних галереях, но с июня выносили на открытый воздух.

Полиньяк между тем продолжал разговор:

– Габсбурги всегда загибают жар чужими руками. Сколько потрачено польских денег, сколько пролито польской крови, и все ради чего? Союзнические обязательства имеют смысл, если их исполняют обе стороны. Польша вносит свою лепту и золотом, и кровью. А Австрия? Что она делает? Ради того, чтобы Леопольд расширил границы империи! Если один несет все тяготы, а другой получает выгоду – это не союз, это рабство!

Король ответил заученной фразой:

– Защищая границы империи, мы защитили и собственные границы.

– Защитить границы Речи Посполитой можно и более легко. После вашей славной победы под Веной Оттоманская империя больше не ищет гибели Польши, напротив, она протягивает вам руку мира. Правильно ли отталкивать ее?

Мучимый одышкой, король замедлил шаг и остановился возле медного фонтана, выполненного в виде огромной, увитой виноградной лозой чаши.

– Заключение мира с Портой вызовет другие осложнения, – король зачерпнул воды и намочил лицо. – Мы связаны договором и с Москвой, по которому обязались помогать в борьбе с Портой.

– Союз с Московией против Оттоманской империи также ошибочен. Московия слаба, у неё нет армии. Какую помощь в начинающейся войне она окажет вам? В прошлом году турки легко разгромили москвитов. Москвиты подступили к Азову и несколько месяцев просидели под стенами крепости. Вот и вся кампания. Северные дикари, схизматы! Они не имеют ни малейшего понятия о военном искусстве. Как они собирались взять при помощи осады крепость, стоящую на берегу моря, и постоянно получающую подкрепления?

– Мне доносят, что сейчас москвиты учли ошибки, и в течение года построили флот, с помощью которого снова намерены взять Азов.

– Да, москвиты в течение года построили флот, – Полиньяк повторил слова короля, и на его лице снова мелькнула улыбка. – Сказывают, что царь Пётр, подобно ребенку, очень

гордится своим детищем, и возглавил новый поход на Азов, стоя на носу одной из галер, когда ту сплавляли по Дону. Разве не смешно?

– Большое начинается с малого. Галерный флот на берегу Дона... Что-то в этом есть...

– Допустим. Но армия московитов – орда диких казаков, не знающих дисциплины, да толпа бородатых стрельцов, воинство Ивана Ужасного. Артиллерия московитов – сотня пушек, отлитых ещё в Лифляндскую войну. Флот московитов – два десятка галер, наспех срубленных из сырого леса. И в союзе с ними вы надеетесь одолеть Оттоманскую империю?

Король опустил на скамью, углубленный в свои мысли.

– Из сырого леса – не беда, несколько лет плавать могут. А два десятка галер для блокады Азова с моря вполне достаточно. Если удастся вывести галеры из устья Дона в Азовское море...

– монарх встал, и Полиньяку на мгновение показалось, что король помолодел на несколько лет – в глазах Яна Собеского зажегся уже давно погасший огонь, голос зазвучал громче, движения стали увереннее – перед французским посланником вновь стоял освободитель Европы от турецкой опасности. – Стрельцы могут взять крепость в осаду. Казаки вполне справятся с тем, чтобы отбить вылазки татар. Казацкие струги способны перерезать устье Дона. Тогда можно обойтись без штурма, Азов падет сам, взятый на измор... Царь Пётр далеко пойдет! Как же я ему завидую! Какая юность, какие дерзновения, какие замыслы, какие возможности!

– Хорошо. Если Московия разгромит Оттоманскую империю – что получит Польша? Кому достанется турецкое наследство? Московиты заберут себе Крым, император Леопольд расширит свои владения до Чёрного моря. А Речь Посполитая не получит ничего!

Король промолчал. На помощь монарху пришёл воевода русский.

– Речь Посполитая получит прочный и долгий мир.

– Не обманывайте себя. Уничтожив Оттоманскую империю, вы лишите австрийцев и московитов противовеса, и лишь удвоите их аппетиты. Во имя победы над Турцией вы признали власть Москвы над Украиной, вы отдали московитам Киев. Что, если теперь их взгляд обратится на Волынь или Литву? Ведь они считают эти земли своими древними вотчинами.

Ян Собеский опять намочил в фонтане платок и протер лицо. Накануне он дал аудиенцию посланникам наказного гетмана Самуся – казачий гетман жаловался на притеснения со стороны ксендзов и шляхты, и просил их милость короля польского и великого князя литовского восстановить на Правобережье привилегии казачества и древние права православной церкви. С другой стороны, коронный гетман Яблоновский прислал письмо, в котором сообщал, что отряд Самуся совершил набег на имение винницкого старосты Казимира Лещинского под Винницей, а также занял на Волыни земли в имениях луцкого епископа Жабокрицкого. Да, все, о чем говорил французский посланник, очень похоже на правду.

Полиньяк краем глаза наблюдал за реакцией собеседника, и по усилившейся одышке он безошибочно понял, что удар достиг цели.

– Договор Гжимултовского не принес для вас никакой выгоды и стал настоящим унижением Речи Посполитой. Что вы получили взамен? Ничего! Неудивительно, что шляхта возмутилась против вас. Поверьте, если бы не этот несчастный договор, никто на сейме не осмелился бы выступить против вашего сына.

Король нахмурился: французский посол напомнил о событиях на вальном сейме 1688 года в Гродно, когда Ян Собеский посадил своего сына Якоба справа от себя. Послы из лагеря Сапег обвинили короля в намерении установления наследственной монархии и посягательстве на золотые вольности шляхты, после чего сорвали проведение сейма. Планы Яна III на передаче короны старшему сыну в одночасье рухнули.

Монарх нетвердой рукой опять вытер вспотевший лоб.

– Вы, служитель католической церкви, предлагаете мне пойти на союз с турками и татарами против христиан?

– Не союз, а мир. И потом, московиты – схизматы, а схизма – это ересь. И Речь Посполитая есть бастион христианства не только против турок, но и против схизматов. Ваша слава как защитника христианства останется в веках. Но ещё большую славу вы обретете, если положите конец войне. Ибо сказано в писании: «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими». И не было бы правильно войти в историю не только как защитник христианства, но и как миротворец?

– Что же вы предлагаете?

– Турки готовы в обмен на мирный договор передать Польше Каменец. Представьте, вы получите Каменец, не пролив ни единой капли польской крови. Что может быть лучше подобного завершения этой долгой, кровавой, бессмысленной войны?

– Для этого придется довериться султану.

– Мой государь, наихристианнейший король Людовик, готов выступить в переговорах посредником. Неофициально, разумеется. Но можете не сомневаться – османы примут все перечисленные условия.

Собеседники между тем вышли к большому пруду, дно которого было устлано разноцветными камнями, в хрустально-чистой воде было видно, как резвятся красные рыбки. У самого берега стояла мраморная статуя Минервы. Рядом был разбита большая клумба с пионами, источавшими густой аромат. Однако монарх, равнодушный ко всем красотам, устремил безучастный взгляд куда-то вдаль.

Полиньяк решил нанести последний, решающий удар.

– Кто заинтересован в том, чтобы Речь Посполитая находилась в фарватере политики Вены? Гетман Сапега. Война для него – это не бедствия родины и не страдания людей. Это дополнительные расходы на войско, которые идут ему в карман! Это смута, которая отталкивает от вас шляхту! Это усиление его личной власти! За всё добро, сделанное роду Сапег, они платят вам чёрной неблагодарностью. По слухам – и думаю, заслуживающим внимания – великий гетман не прочь отделить Литву от Польши и провозгласить себя князем Литовским.

Ян III остановился у ближайшего дерева и прислонился к стволу. Посланник, не замечая, что собеседник отстал, продолжил идти вдоль пруда.

– Скажу больше – кое-кто из Сапег уже распространяет слухи о вашем плохом здоровье. Они уже готовятся к элекционному сейму! Кошунство, равного которому ещё не знал мир! Но неужели вы войдете в историю, как последний король Речи Посполитой?

Наконец Полиньяк заметил отсутствие собеседника.

– Что с вами, ваша милость? Вам плохо? – с неподдельным испугом спросил посланник, торопливо возвращаясь к королю.

– Сейчас пройдёт, – Ян III решительным движением отстранил протянутую руку, сделал два шага, но неожиданно его одутловатое лицо искривилось от боли – король покачнулся, и воевода русский едва успел подхватить обмягшее тело.

– На помощь! Сюда! Живо!

На истошные крики Матчинского сбежались слуги. Короля осторожно перенесли в малую спальню, куда немедленно позвали личных врачей монарха, Ионаша и О'Коннора, а также духовника короля иезуита Карло Маурицио Вота.

Лекари, посоветовавшись, пустили больному кровь, и за ночь Яну Собескому стало лучше. Уже утром монарх продиктовал несколько писем, с аппетитом отобедал, а после еды в сопровождении Полиньяка, Матчинского и епископа плоцкого Андрея Залуского опять вышел в сад, но снова занемог. Спутники едва успели привести короля во дворец, где он снова потерял сознание.

Бесчувственного монарха уложили на кровать. Ближе к полудню король вновь пришёл в сознание. Умиравший ещё боролся с недугом, даже вызвал писаря и пытался что-то продиктовать слабым голосом, однако силы вскоре оставили его.

В пять часов вечера короля поразили новый приступ, после чего монарх впал в беспамятство. Стало понятно, что конец близок.

В Вильяново прибыл высшие сановники Речи Посполитой – великий гетман коронный Яблонский, нунций Дориа, примас Радзиевский.

Ближе к полуночи король пришёл в сознание. У постели больного собралась самые близкие люди: королева Мария Казимира, сыновья Якоб, Александр и Константин, воевода русский Матчинский и епископ Залуский. За их спинами маячил духовник короля, иезуит Карло Маурицио Вота в сопровождении двух монахов.

По дворцу металась слуги, у постели больного сустились лекари, возле спальни толкались придворные. Лишь один человек в Вильянове был безучастен к происходящему во дворце, и это был сам Ян Собеский.

Ни мир с Турцией, ни освобождение Каменецкой крепости, ни шансы старшего сына Якоба на корону, ни набеги наказного гетмана Самуся, ни интриги Сапег, ни судьба Речи Посполитой – всё это больше не волновало монарха: судорожными движениями он ловил воздух, проникающий в спальню через распахнутые настежь окна. Такова горькая ирония судьбы: даже находясь на вершине социальной лестнице, человек рано или поздно достигает черты, за которой зияет бездна небытия. И к чему тогда все короны, скипетры, мантии, если человек оказывается лишен возможности вдыхать воздух, подставлять лицо солнечным лучам, любить, ненавидеть, радоваться, печалиться, иными словами – наслаждаться величайшим даром природы – даром жизни.

Неожиданно король сделал глубокий вдох, открыл глаза, и громко произнес:

– *Stava bene!*²

Епископ Залуский склонился над кроватью.

– Что ваша милость желает?

– Оставьте меня со священником.

Карло Маурицио Вота тихим, но властным, не терпящим возражения голосом, потребовал от присутствовавших покинуть спальню.

Ян Собеский и священник остались одни. О том, что говорил умирающий король иезуиту, неизвестно – тайна исповеди.

Когда исповедь была закончена, спальня вновь наполнилась людьми.

Матчинский сидел в углу, ни на кого не глядя. Иезуит Вота тихо читал молитвы. Королева металась по спальне, то подбегая к окну, то возвращаясь к постели, то подходя к сыну Константину.

На башне пробил полночь. Неожиданно голова короля стала клониться набок. О'Коннор, личный врач монарха, всё время державший умирающего за руку, засуетился и что-то тихим голосом сказал второму доктору, Йонашу. Последний перехватил запястье монарха, тщетно пытаясь нащупать пульс, после чего повернулся к королевскому духовнику.

Карло Маурицио Вота закрыл Яну Собескому глаза, встал на колени и сотворил крестное знамение.

Так закончил свой путь последний выдающийся король Польши, открывая путь череде ничтожеств и посредственностей на престоле Республики Обоих народов.

Аббат Полиньяк той же ночью отправил курьера в Версаль, со срочным донесением на имя министра иностранных дел, члена Королевского совета Шарля Кольбера, маркиза де Круаси, в котором в подробностях описал кончину польского короля.

Ирония судьбы: маркиз де Круаси послание Полиньяка так и не прочтёт – когда спустя десять дней дипломатическая почта прибывает в Версаль, маркиз сам сляжет в постель и скоропостижно скончается. Памятуя о заслугах покойного министра иностранных дел, их вели-

---

² Всё было хорошо! (ит.)

чество Людовик XIV передаст эту должность его сыну, Жану Батисту Кольберу, маркизу де Торси, который отныне будет дёргать за невидимые ниточки внешней политики Французского королевства.

Глава III. Русский резидент

Около полуночи в ворота уединенного каменного дома, расположенного на окраине Варшавы, постучал одетый в монашескую рясу человек лет тридцати. Открывший ему слуга посторонился, пропуская гостя, затем, высунув голову, осмотрел улицу, после чего закрыл ворота и запер их на засов. Кивнув монаху, слуга провел его в приземистую комнату, где, сидя за столом, что-то писал одетый в московский кафтан человек лет сорока пяти с широкой окладистой бородой. То был русский резидент в Речи Посполитой, царский стольник Алексей Васильевич Никитин.

Монах, переступив через порог, поклонился стольнику.

– С чем прибыл?

Монах не спеша снял с ноги сапог, вынул из него пергамент и с поклоном передал письмо архимандрита Петра Пашкевича, настоятеля минского монастыря святых апостолов Петра и Павла. Священник сообщал русскому резиденту о конфликте между виленским епископом Константином Казимиром Бжостовским и великим гетманом литовским Казимиром Павлом Яном Сапегой.

Два года назад епископ предал гетмана анафеме, однако многие ксендзы и настоятели не подчинились решению Бжостовского. Тогда епископ обратился к папе Иннокентий XII с просьбой отлучить непокорных от своих мест и объявить их неспособными к занятию духовных высших должностей. Латинский первосвященник на словах поддержал епископа, но при этом разрешил примасу Радзиевскому снять отлучение с гетмана.

– Чудны дела Твои, Господи... – Никитин вновь прочитал донесение. – Так что же сейчас происходит в Вильне?

– Гетман и его приспешники отбирают земли, пожертвованные ранее костёлам и кляштрам, вставшим на сторону епископа. Самому епископу не раз грозили смертью.

– Что еще?

– Больше ничего.

– Латиняне совсем разума лишились, – Никитин зажег ещё одну свечу. – Чудно...

Когда монах вышел, резидент перечитал послание и задумался.

Накануне резидент имел беседу с имперским посланником фон Страатманом о совместных действиях против турок. До сих пор «Священный союз» существовал лишь на бумаге: империя завязла в войне с Францией за Пфальцское наследство, Польша бездействовала, и Россия была вынуждена вести войну в одиночку. Несмотря на отсутствие союзников, Россия уже блокировала Азов и уже была близка к тому, чтобы взять город. Однако победа могла стать прологом большой войны: Крымское ханство являлось вассалом Оттоманской империи, и едва ли Стамбул будет безучастно наблюдать за тем, как Москва берет под свою руку владения Бахчисарая. Увы, беседа с цесарцем закончилась ничем – фон Страатман лишь пообещал, что доведёт информацию до его императорского величества Леопольда I.

Дьяк задумчиво почесал окладистую бороду. Да, непросто быть посланником!

Неожиданно в ворота снова громко постучали, в ответ залаял сторожевой кабель. Дьяк покосился на стену – на месте ли ружье.

– Егор, спроси – кто таки?

– Что за люди? – раздался во дворе зычный голос стряпчего.

– Гонцы, от киевского воеводы князя Борятинского.

Никитин быстро убрал послание в ящик, запер его на ключ, спрятал ящик в сундук, сверху завалил одеждой, после чего подошёл к окну.

– Отопри.

В вечерних сумерках было видно, как во двор прошли три человека. Стрелец опасливо выглянул на улицу, после чего быстро затворил ворота.

Никитин бросил взгляд вокруг, погасил свечи на столе и вышел в соседнюю комнату. Через минуту двое стрельцов и стряпчий привели маленького человека в поношенном стеганом кафтане, который сразу же бухнулся на колени.

– Кто таков? – дьяк опустил голову, буравя глазами вошедшего.

– Мещанин из Стародуба, Ивашка Суслов.

– С чем пришёл?

– По делу государеву, боярин, – человек вынул из-за пазухи заскорюзлый сверток и с поклоном передал дьяку.

Никитин повертел бумагу в руках и отложил в сторону, после чего чуть заметно кивнул – стрельцы вышли. Стряпчий запер дверь, а сам удалился в угол комнаты.

– Скажи на словах.

– Гетман малороссийский Иван Мазепа смотрит на польскую сторону, чему есть много доказательств.

Дьяк наклонил голову.

– Что говоришь? Пьян?

– Нет, не пьян, боярин. Гетман с радными панами держит тайные связь, и паны шлют посылки гетману. За то гетман поляков жалует и деньгами и званиями, а казаков не жалует.

Никитин поморщился – за долгую службу в посольском приказе он знал цену подобным доносам.

– Не жалует, говоришь. Так ты за жалованием пришёл?

– Помилуй, боярин, – Суслов истово перекрестился. – Истину говорю. Радные паны обещают гетману отдать всю Гетманщину, и Правобережье, если он отдастся под их руку.

Дьяк пристально посмотрел на Суслова. Последние слова живо напомнили о событиях сорокалетней давности, когда Ивашка Выговский отстранил от власти Юрия Хмельницкого и стал малороссийским гетманом. Несмотря на донос Мартына Пушкаря, Москва верила Выговскому до тех пор, пока тот, иудина душа, не нанёс предательский удар в спину русский войск. Ошибка чуть не стоила России потери всей Украины...

Никитин задумчиво почесал бороду.

– Сказывай про связь.

– Игумен Кирилловского монастыря отец Иннокентий каждую неделю ездит к гетману в Батурин. Игумен же пересылается со львовским митрополитом Иосифом Шумлянским. Епископ тайно принял унию и сношается с радными панами.

– Кто может подтвердить твои слова?

– К игумену постоянно ходят подьячие приказной избы, Налетов и Фатеев. Если крепко с тех воров спросить, так расскажут все.

Никитин снова почесал бороду. Видя нерешительность дьяка, Суслов приблизился и тихо произнес:

– А есть ещё сведения, которые вслух произносить не смею, а могу сказать только великому государю.

Дьяк в задумчивости прочитал донос, после чего поднял голову и внимательно посмотрел на собеседника.

– И перед великим государем повторишь все, как здесь было сказано?

– всё как на духу, боярин.

– Добро, – негромко произнёс Никитин. – Переночуешь здесь, в подклети. Иди, тебя проводят.

Суслов вышел.

– Налетова и Фатеева взять под стражу, и под крепким караулом отправить в Москву, – сказал Никитин стряпчему.

– А с этим что делать? – стряпчий кивнул на дверь.

– Поставь к нему караул. А утром – и его в Москву. Там разберутся.

Стряпчий вышел, а Никитин сел на скамью и вновь задумался.

Как и любой другой дипломат, дьяк выполнял не только официальные функции, но и занимался сбором информации – говоря современным языком, осуществлял в Речи Посполитой военную и политическую разведку. Полученная в Варшаве и Вильне информация немедленно уходила в Москву, в двухэтажный каменный дом, расположенный на Ивановской горке Белого города, между усадьбами Беклемишева и Полтева, где проживал глава русского внешнеполитического ведомства – думный дьяк Посольского приказа Емельян Игнатьевич Украинцев, сам ранее бывший послом в Речи Посполитой, и потому хорошо понимавший важность наличия развернутой сети агентов на территории западного соседа России. Никитин получал сведения из разных источников – это были купцы, шляхтичи, священники – жители Великого княжества Литовского, которые, несмотря на жестокие гонения, остались верны православной вере своих отцов и дедов. К русскому резиденту стекалась различная информация о перемещении войск, возведении новых крепостей, решениях, принимаемых на сеймах и сеймиках, шляхецких конфедерациях, даже о событиях при дворе...

Над Варшавой стояла глубокая ночь. К Суслову, сидевшему в тёмной подклети, принесли еду – миску с вареной полбой, кусок хлеба и кружку кваса. Когда стрелец вышел, Суслов услышал, как снаружи глухо стукнул металлический засов.

Вдалеке загрохотал гром, по черепице забарабанили первые капли дождя. Где-то в углу стрекотал сверчок. В маленьком, чуть более ладони, окошке, были видны далекие всполохи молний.

Суслов прилег на огромный ларь. Страх перед неизвестностью стал наваливаться вместе с темнотой ночи. Правильно ли он сделал, что крикнул роковое «Слово и дело»? Что с ним будет теперь? Не лучше ли было остаться в стороне – какая ему забота до дел сильных мира сего?

Никитин тоже не спал – сидя на скамье, он прислушивался к раскатам грома и размышлял, что писать в Москву. От своего предшественника, дьяка Бориса Михайлова, он знал, что это был не первый донос на малороссийского гетмана Ивана Мазепу-Колединского и православного епископа Львова Иосифа Шумлянского.

В 1689 году в Вильнев к Яну Собескому явился некий монах Соломон с письмом от Мазепы – гетман, устав от железной власти Москвы, обращался к его милости королю польскому, великому князю литовскому Яну Третьему с просьбой принять Левобережье под свою высокую руку с соблюдением обычаев Православной церкви, прав гетманских и вольностей казацких. Собеский, опасаясь вступить в открытый конфликт с Москвой, но и не желая упустить такой шанс, дал тайное поручение своему другу молодости и доверенному лицу, львовскому епископу Шумлянскому, перешедшему из православия в униатство, войти в сношение с гетманом войска Запорожского и вести переговоры от своего имени. Москва вовремя узнала о переговорах, и в Батурин для проведения следствия был отправлен подьячий Михайлов. Малороссийский гетман, предупрежденный об опасности, заблаговременно уничтожил уличающие его бумаги и даже велел схватить польского эмиссара шляхтича Домарацкого, которого впоследствии сдал московитам вместе с посланием от львовского епископа. Мазепе удалось убедить царского посланника, что доносы на него являются происками врагов, связанных с ляхами. Заслушав доклад Михайлова, юный царь Пётр Алексеевич распорядился закрыть

дело. Варшава, в свою очередь, объявила Соломона лжецом, оклеветавшим Яна III и Мазепу, а заодно обманувшим львовского епископа. Монах был брошен в тюрьму, а спустя год передан российским властям. В Москве Соломона расстригли, после чего выдали головой гетману Мазепе – на расправу. В Батурине незадачливый интриган и кончил свою жизнь.

Гроза окончилась только под утро. Когда на востоке уже забрезжили первые краски зари, Никитин решил, что пора, наконец, ложиться спать. Однако с улицы слышались низкие удары колокола – первый, второй, третий...

Резидент вышел в клети, где растолкал стрельца.

– Порфирий, дрыхнешь, что ли, чёрт? Слышишь? Звонят!

Стрелец, протирая глаза, сел на лавку.

– Ну звонят, и что? К заутрене, известно...

– Да нет... звон другой... случилось что...

Стрелец прислушался – действительно, над городом стоял низкий гул колоколов, наполнявший душу щемящей тоской.

– Сходи, узнай, что случилось... – Никитин несильно подтолкнул стрельца. – Давай, не мешкай!

Стрелец недовольно пробурчал что-то, но обулся, подпоясался и вышел. Никитин подошёл к окошку – улица была пустынна.

Наконец стрелец вернулся.

– Их милость король Иоанн Третий скончались, упокой, Господи, его грешную душу.

Никитин грузно опустился на лавку.

Пока его милость Ян Собеский, король польский и великий князь литовский, был силён, радные паны были вынуждены склонять головы перед его властью. Но сейчас, когда раб Божий Иоанн предстал перед Создателем, кто наследует его престол? И не превратится ли Речь Посполитая в злейшего врага Русского Государства?

– Порфирий, быстро беги, готовь коней. В Посольский приказ доставишь послание. Будь готов через час выехать. С собой возмёшь Никиту. И этого Ивашку Сулова доставишь в Преображенский приказ. Там с ним разберутся.

Никитин быстрым шагом вошёл в светлицу, сел за стол и принялся писать. Спустя час из ворот посольства выехала повозка с плотно занавешенными окошками.

Как часто ценная агентурная информация, дойдя до адресата, не находит применения и кладется под сукно!

Ивашка Сулов был доставлен в Преображенский указ, где перед князем Фёдором Юрьевичем Ромодановским повторил свой донос. Однако в ходе дознания подьячие Налётов и Фатеев объявили, что бывали у кирилловского игумена только по делам воеводы. В это время из Киева пришло известие, что игумен Иннокентий неожиданно представился. Все ниточки, с помощью которых можно было размотать клубок обмана и предательства, были оборваны. Дело было закрыто. Пётр снова заверил Мазепу, что доносам на него не верит, а в честности и преданности гетмана не сомневается. По просьбе гетмана Мазепы Сулов под крепким конвоем был доставлен в Батурин, где сгинул, неизвестно как – либо в сыром пыточном подвале, либо на плахе.

Глава III. Дорогу королю!

Гроза, разразившаяся ночью над Варшавой, была ужасна: яростные зигзаги молний чертили небо, на землю обрушивались потоки воды, ураган сносил ветхие крыши домов, валил старые деревья. До самого рассвета в Вильяновском дворце никто не смыкал глаз – ближайшие родственники усопшего короля, не стыдясь ещё неостывшего тела монарха, яростно делили наследство.

Главный претендент на корону – старший сын покойного монарха Якоб Собеский – сразу после кончины отца вскрыл архив, собрал наиболее важные документы, после чего уехал в Варшаву, где занял королевский замок, приказав закрыть ворота и не пускать никого без его личного разрешения.

Вдовствующая королева Мария Казимира, удалившись в свои покои, спешно написала письмо, которое отправила с гонцом в резиденцию французского посланника – фольварк Флерон. Едва над Варшавой встала заря, французский посол вновь примчался к Вильяновскому дворцу. Когда посланник вошёл в покои, королева швыряла в огонь камина какие-то бумаги.

– Я ждала вас, мой друг, – Мария Казимира торопливо схватила пачку писем, сунула их в ящик бюро и заперла его на ключ. – Вы знаете, как я дорожу вашим мнением. Вопрос столь важен и деликатен, что мне больше не к кому обратиться.

Полиньяк согнулся в учтивом поклоне.

– Всегда к услугам вашего королевского величества.

– Вы наверно понимаете, что сейчас ситуация такова, что от нескольких слов может зависеть судьба всей Речи Посполитой.

– Вы хотите сказать, судьба короны Речи Посполитой?

Мария Казимира бросила быстрый взгляд на собеседника.

– Вы меня правильно поняли.

– Тогда перейдем к делу. Кого вы хотели бы видеть на престоле?

– Константину.

– Якуба шансов гораздо больше.

– Иногда я жалею, что он мой сын.

Полиньяк с трудом сдержал улыбку.

Королева, считавшая себя мастером политических интриг, не подозревала, что наиболее худшую кандидатуру на роль советчика подобрать было невозможно – аббат уже начал собственную игру. Полиньяк прекрасно отдавал себе отчет в том, что если не удастся затянуть выборы короля, то Якоб, без сомнения, в самом ближайшем времени взойдет на польский престол – а следовательно, французскому посланнику в первую очередь требовалось столкнуться лбами наиболее сильных конкурентов – сыновей покойного короля.

– Тогда надо действовать, – француз покачал головой. – Прежде всего вам надо заставить окружающих с вами считаться. А для этого необходимо напомнить о себе.

– Как именно?

– Вам надо встретиться с примасом и заручиться его поддержкой.

– Вы же знаете, примас Радзиевский находится здесь, в Вильяново.

– Так не теряйте времени.

– Что еще?

– Необходимо завладеть королевскими регалиями.

– Корона, меч, скипетр и держава хранятся здесь же.

– Тем лучше. Заприте их в своих покоях. И не пускайте туда никого, не доверяйте никому.

Любое доверенное лицо, самая преданная горничная за тысячу талеров охотно предадут вас. Ставки слишком высоки.

– Хорошо. Это все?

– Где находятся личная казна вашего покойного супруга?

– Небольшая часть здесь, – Мария Казимира на секунду запнулась, затем посмотрела на дверь, и продолжила чуть приглушенным голосом. – Основная казна в Жёлкве.

– Прямо сейчас прикажите заложить карету, и езжайте в Жёлкву. Заберите казну и немедленно возвращайтесь.

– Но может быть я пошлю в Жёлкву надежного человека...

– Нет, нет, надо обязательно ехать лично вам.

– Но для того, чтобы собрать все, мне потребуется несколько дней...

– Возьмите с собой самое ценное, то, что можете увезти с собой. У вас сейчас нет даже лишнего часа. Немедленно, слышите, немедленно.

Мария Казимира позвонила в серебряный колокольчик. На звон вошёл слуга.

– Прикажите заложить мою малую карету. Через час я выезжаю.

Когда за слугой затворилась дверь, Полиньяк продолжил.

– И еще. Сразу же после Жёлквы вам необходимо переехать в варшавский дворец.

– Но Якоб... он уже там!

Губы посланника тронула мимолетная улыбка.

– Ваш сын не теряет время даром. Ну что же... Тогда необходимо изыскать способ проникнуть внутрь, – Полиньяк на минуту задумался. – Но ведь тело короля находится здесь?

– Да, оно здесь, в капелле.

– Прекрасно! Сразу после возвращения из Жёлквы возьмите с собой тело короля. И сделайте это так, чтобы вас сопровождало как можно больше людей. Едва ли у Якоба хватит смелости захлопнуть ворота перед телом своего родного отца.

– Наверно, вы правы.

– И последнее. Константину всё это время лучше держаться в тени.

– Но вы же сами говорили, что я должна быть на виду.

– Тень губительна для монарха, но благотворна для претендента на трон. Часто выигрывает не тот, кто сильнее, а тот, кто употребит силу в нужный момент.

– Что же вы предлагаете?

– Благодарение Господу, Речь Посполитая в настоящее время пребывает в мире. В противном случае шляхта быстро бы избрала королём вашего старшего сына, и партия была бы проиграна. Однако сейчас царит мир, поэтому радные паны будут торговаться до последнего. А следовательно, бескорольевье может продлиться неопределённо долгое время – месяц, полгода, год, два, три. Пусть другие претенденты тратят деньги и влияние – Константину надо затаиться, на время покинуть Варшаву, а ещё лучше – пределы Польши.

Следуя совету аббата Полиньяка, Мария Казимира немедленно собрала все королевские регалии и заперла их в своих покоях. После этого вдовствующая королева неожиданно пропала, и двое суток о ней ничего не было слышно. Наконец Мария Казимира вновь объявилась в Вильяново. Приказав водрузить гроб с телом Яна Собеского на открытую повозку и созвав делегацию из высшего духовенства и шляхты, Мария Казимира направилась к королевскому замку. Едва повозка прибыла в Варшаву, к ней стали стекаться жители столицы, в безмолвии провожая тело монарха. Когда процессия подошла к воротам варшавской резиденции, гроб сопровождало уже несколько тысяч человек.

Однако по приказу Якоба Собеского ворота замка оказались закрыты. Когда лошади, вёзшие катафалк с гробом, замерли возле самых ворот, Мария Казимира, одетая в длинное чёрное платье, выступила вперед и, театрально воздев руки к небу, громко возопила:

– Дорогу королю!

Тем не менее, ворота так и не открылись – подобно нищему, молящему о приюте, тело великого короля лежало у порога собственной резиденции.

На переговоры к Якобу направилась депутация прелатов во главе с епископом плоцким Залуским. Войдя в Дубовый кабинет, прелат бросил хмурый взгляд на королевича.

– Ваша милость, вы, собственно говоря, ещё не король, и потому не имеете права самовольно распоряжаться в королевском замке.

Якоб смерил епископа высокомерным взглядом.

– Как наследник я вправе принять все разумные меры для охранения имущества и документов моего покойного родителя от возможных посягательств.

– Какую же опасность для наследства представляет присутствие здесь вашей матери?

– Стоит ли вашему преосвященству касаться дел, бесконечно от вас далеких?

– Как будет угодно вашей милости, – епископ подошёл к окну и указал королевичу на повозку с телом Яна III, окружённую огромной толпой народа. – Но помните, что, нарушая законы божеские и человеческие, ваша милость навлечет на себя кару Господню и гнев народа. Подумайте, какой повод вы подаете вашим врагам для пересудов, и взвесьте, что для вас сейчас важнее: кратковременное торжество над собственной матерью или обладание короной Речи Посполитой?

Якоб был вынужден сдаться – ворота распахнулись, и процессия, возглавляемая вдовствующей королевой, вступила в замок.

Едва оказавшись в королевской резиденции, Мария Казимира оставила гроб и заняла покои усопшего супруга. Сюда же она приказала перенести королевские регалии, личную казну короля, а также многочисленные трофеи, добытые Яном Собеским в походах против Османской Порты.

Первый раунд противостояния остался за вдовствующей королевой.

Вечером того же дня тело Яна Собеского было перенесено в замковую каплицу. Монахи обрядили останки в алый бархатный кунтуш, поверх которого надели стальную позолоченную кирасу, к которой крепилась горностаевая мантия. Гроб, обитый аксамитом из чёрного бархата с золотыми галунами и бахромой, с вышитым белым крестом, адамовой головой и перекрещенными костями, был установлен в дворцовой каплице на постаменте с тремя ступенями, вокруг которого стояли тридцать серебряных подсвечников с постоянно горящими свечами белого воска. При гробе денно и ночью дежурили двое солдат с алебардами, рядом стояла вышитая золотыми нитями алая подушка, на которой покоилась выполненная в виде человеческого сердца золотая шкатулка – там хранилось забальзамированное сердце покойного короля, которое, согласно завещанию Собеского, должно быть похоронено в Варшаве, в то время как тело надлежало опустить в крипту кафедрального костёла святых Станислава и Вацлава в Кракове.

Однако при исполнении всех церемоний неожиданно возникло новое затруднение – надлежало возложить на тело усопшего монарха королевские регалии, и теперь уже Мария Казимира наотрез отказалась выдать корону, скипетр, державу и меч. На переговоры с королевой отправился воевода русский.

У дверей, ведущих в королевские покои, Матчинского остановили четверо высоких гайдуков.

– Королева не принимает, – басом произнес огромный детина в малиновом кунтуше.

Лицо Матчинского побагровело от гнева.

– Я – Марек Матчинский, сенатор Речи Посполитой и воевода русский.

– Велено без доклада не пропускать никого, за исключением французского посланника.

Матчинский, сдерживая ярость, стиснул кулаки.

– Так доложи обо мне.

Гайдук в нерешительности потоптался на месте, затем скрылся за дверью. Спустя минуту тот же гайдук широко распахнул двери, пропуская воеводу русского.

– Вас ждут.

Вдовствующая королева, одетая в чёрное платье, сидела у окна, теребя в руках тонкий батистовый платок. Матчинский отвесил Марии Казимире поклон.

– Ваша милость, при жизни вашего супруга я мог входить сюда в любое время без доклада.

– Времена изменились, пан Матчинский. Чем обязана вашему визиту?

– Прошу передать мне хранящиеся у вас корону, меч, державу и скипетр.

– Я не могу исполнить вашу просьбу.

– Прошу учесть, что это не моя личная просьба – я говорю от имени Речи Посполитой.

Небрежная усмешка мелькнула на губах вдовствующей королевы.

– С какого дня, пан Матчинский, вы представляете Речь Посполитую?

– С сегодняшнего – потому что впервые в истории Речи Посполитой покойный монарх лежит на смертном одре с обнаженной головой и без королевских регалий.

Улыбка сошла с губ Марии Казимиры.

– И тем не менее, я вынуждена ответить вам отказом.

– Тогда я должен знать причину вашего отказа.

Вдовствующая королева откинулась на спинку кресла

– Корона и скипетр может завладеть лицо, не имеющее на них законных прав.

– Мадам, осмелюсь напомнить вам, что до коронационного сейма ни одно лицо не имеет прав на корону и скипетр, включая вас.

Вдовствующая королева вздрогнула, щеки её окрасил лихорадочный румянец.

– Если желаете, попытайтесь забрать силой, – она резко поднялась с кресла. – Мне больше нечего вам сказать. Прощайте.

– Прощайте, ваша милость, – воевода русский отвесил поклон. – Пусть это останется на вашей совести.

Покинув королевские покои, Матчинский несколько минут пребывал в размышлениях, после чего отправился в королевскую оружейную. Два жолнёра, стоявшие у дверей, беспрепятственно пропустили воеводу.

В оружейной Матчинский взял старинный, времен Сигизмунда Августа, стальной шлем с золоченой гравировкой в виде короны – именно в этом шлеме Ян Собеский 13 сентября 1683 года въезжал в спасенную им столицу Священной Римской империи, а также два огромных меча – согласно легенде, эти мечи магистр Тевтонского ордена Ульрих фон Юнгинген отправил королю Польши Ягайло и великому князю Литовскому, Русскому и Жемайтскому Витовту в качестве официального вызова на бой перед Грюнвальдской битвой. Положив шлем и мечи на вышитую золотыми нитями подушку из алого бархата, воевода русский направился в часовню, где лежало тело покойного монарха.

В дворцовой каплице ярко горели свечи. Королевский духовник Вота и ещё двое монахов-иезуитов служили заупокойную мессу, моля Господа об отпущении грехов и спасении души умершего короля. В небольшом отдалении стояли великий гетман коронный Станислав Яблонский и архиепископ Гнезненский Августин Михаил Стефан Радзиевский. Однако в часовне не было самых близких покойному королю людей – ни Мария Казимира, ни Якоб, ни Константин, ни Александр не сочли нужным присутствовать при гробе мужа и отца. Королева по-прежнему неотлучно пребывала в своих покоях, ревниво оберегая королевские регалии, младшие сыновья находились при ней, а Якоб, бросив всё, срочно поехал в Жёлкву.

Матчинский вошёл в каплицу, держа на вытянутых руках подушечку, на которой лежали стальной шлем и два скрещённых меча. При виде воеводы русского Карло Маурицио Вота прервал чтение и склонил голову, солдаты опустились на одно колено, великий гетман и кардинал-примас сделали шаг в сторону, пропуская Матчинского к гробу.

В торжественной тишине Матчинский водрузил позолоченный шлем на бледное чело усопшего монарха, вложил в мёртвые холодные ладони мечи, после чего преклонил перед гробом колени. Примеру воеводы русского последовали кардинал-примас, великий гетман коронный, королевский духовник и монахи.

В таком виде – в боевом шлеме вместо королевской короны, с грюнвальдскими мечами в мёртвых руках – король-рыцарь Ян III Собеский, освободитель Христианского мира от турецкой угрозы, Защитник Веры, последний великий правитель Речи Посполитой уходил в вечность, в Историю, в бессмертие... Поистине, торжественная, величественная, и в то же время печальная картина!

Спустя несколько дней в Варшаву вернулся Якоб. Пять следовавших за его каретой телег были доверху нагружены серебряной посудой, подсвечниками, драгоценным оружием – одним словом, сын собрал всё добро, которое не успела или не смогла вывезти неделей ранее его мать.

Едва королевич прибыл в Вельяново, примас Радзиевский направился к Якобу. Кардинал застал королевича в малой библиотеке – Якоб лихорадочно разбирал бумаги покойного короля.

– Сын мой, в этот скорбный час я пришёл, чтобы поддержать тебя делом и добрым советом, – тихим, но властным голосом произнес примас, усаживаясь в огромное бархатное кресло.

Якоб с видимым неудовольствием отложил бумаги в сторону.

– Я всегда готов выслушать и принять отеческий совет вашего преосвященства.

– Иногда обстоятельства складываются таким образом, что приходится выбирать между личными амбициями и интересом государства, – пристально глядя на собеседника, продолжил Радзиевский. – Сейчас именно такой момент. Позволю быть откровенным – конфликт с вашей матерью может стоить вам короны.

Якоб нахмурился.

– Что вы предлагаете?

– Вам надо помириться. Помириться во что бы то ни стало, перешагнув через собственную гордыню.

– Я готов, но мать избегает меня. Как мне встретиться с ней?

Кардинал-примас улыбнулся.

– Мне известно, что завтра Мария Казимира посетит варшавский монастырь сакраменток. Настоятельница монастыря уже предупреждена, и, надеюсь, сможет смягчить сердце вашей матери.

На следующий день, едва карета королевы выехала из ворот монастыря, Якоб бросился перед экипажем на колени. Однако королева уже вела собственную политическую игру, в которой старший сын был фигурой, которую требовалось устранить в первую очередь. Мария Казимира не пожелала даже выйти из кареты, а приказала кучеру свернуть в соседний переулок.

Едва королева вернулась в Вельяново, она на целый час заперлась в своём кабинете. Наконец в кабинете раздался звон колокольчика.

Наперсница королевы, мадам де Леттрэ, представ перед Марией Казимирой, присела в реверансе.

– Что мадам изволит?

– Когда прибудет французский посол, немедленно доложите мне об этом.

– Монсеньер де Полиньяк уже три часа ожидает аудиенции в голубой гостиной.

– Тогда пригласите его.

Спустя минуту французский посол со своей неизменной улыбкой входил в апартаменты вдовствующей королевы.

– Чем могу быть полезен вашему величеству?

Мария Казимира не спешила с ответом, ожидая, когда за мадам де Леттрэ закроется дверь.

– У меня слишком много недоброжелателей и слишком мало друзей. Могу ли я рассчитывать на вас?

– Сама постановка вопроса способна ранить те чувства, которые я к вам испытываю.

Вдовствующая королева сделала несколько шагов по комнате, взяла в руки небольшой молитвенник в тёмно-коричневом переплете, бесцельно повертела его в руках и положила обратно на стол.

– После нашего последнего разговора я долго размышляла... Одним словом, до меня дошли сведения, что ваш государь Людовик, да продлит Небо его годы, хотел бы возложить польскую корону на герцога Вандомского. Согласитесь, господин посол – ведь ничто не мешает королю Людовику выдвинуть своего кандидата. Не так ли?

На секунду улыбка сошла с уст аббата – Полиньяк бросил на Марию Казимиру быстрый взгляд, пытаясь понять, что стоит за словами собеседницы.

– Я не получал никаких инструкций на этот счет.

– Но если это в самом деле так... Ведь герцог холост, не правда ли?

– Да, герцог Вандом не женат.

– И если их величество Людовик пожелает выдвинуть кандидатуру герцога, ему понадобится поддержка...

Полиньяк без труда понял ход мыслей собеседницы.

– Мадам, если эти слухи верны, то я не достоин звания посла, так как мне об этом ничего не известно.

Мария Казимира обиженно сжала губы, после чего встала с кресла и покинула комнату. Полиньяк с усмешкой смотрел ей вслед – королева, затеяв сложную политическую игру, похоже, сама запуталась в собственных комбинациях.

Интриги Марии Казимиры не могли долго оставаться тайной. Архиепископ Гнезненский, исполнявший во время бескорольевья функции монарха, обратился к Марии Казимире с требованием отдать корону и прочие королевские регалии, а самой оставить королевский замок и покинуть Варшаву. Вместе с вдовствующей королевой по указу примаса уехать из столицы были должны и сыновья покойного короля.

Второй раунд борьбы явно остался за Полиньяком.

А спустя ещё две недели в фольварк Флерон прибыл гонец из Парижа с важной вестью: их христианское величество Людовик XIV сообщал, что во имя интересов Франции Речь Посполитая должна стать противовесом Священной Римской империи, а посему престол Речи Посполитой должен занять никто другой, как их королевское высочество Франсуа Людовик де Бурбон де Конти, граф де Ла Марш, граф де Клермон, принц де Ла Рош-сюр-Ион.

Русский резидент в Речи Посполитой, дьяк посольского приказа, царский стольник Алексей Никитин тоже получил от своего государя грамоту: Пётр требовал от Никитина предоставить сведения о том, *«сколько на королевство Польское кандидатов, и при котором кто стоит, и чья сторона сильная»*.

Увы, даже в делах своего ближайшего соседа, Речи Посполитой, Кремль ориентировался наощупь, выступая лишь в качестве стороннего наблюдателя. Москва явно опаздывала сразу на несколько ходов, теряя драгоценное время, и это промедление грозило России серьёзными внешнеполитическими проблемами...

Глава IV. Эхо Азова

В огромной зале со стрельчатыми окнами, на высоком кресле под балдахином восседал человек в алой сутане – то был их преосвященство архиепископ Гнезненский Августин Михаил Стефан Радзиевский, кардинал-примас, а в период бескорольевья – *Interrex*, временный монарх Королевства Польского и Великого Княжества Литовского.

О личности кардинала-примаса расскажем особо. Выпускник иезуитского коллегиума, будущий примас всего за нескольких лет сделал головокружительную карьеру: вначале он стал епископом Вармии, затем занял должность коронного подканцлера, через год получил сан кардинала, а ещё через год стал архиепископом Гнезненским и польским примасом. Причина столь стремительного взлета церковной карьеры объяснялась просто: примас состоял в родстве с королём Яном III – был его троюродным братом по материнской линии. Как и покойный монарх, примас был человеком честолюбивым – чем выше он поднимался по иерархической лестнице, тем меньше он занимался вопросами церкви, и тем больше он отдавал сил делам мирским. А в земной политике архиепископ всегда следовал одному правилу – всегда быть на

стороне сильнейшего. Но заветной мечтой примаса было достижение верховной власти, ради чего он готов строить самые изощренные интриги, идя на предательство и обман.

Сейчас примас достиг того, к чему стремился всю жизнь – верховной власти. От него теперь зависели судьбы миллионов человек – до тех пор, пока не будет избран новый король. Поэтому, следуя принципу древних римлян – “divide et impera”³ – Радзиевский делал всё от него зависящее, чтобы Речь Посполитая как можно глубже увязала в предвыборной неразберихе, благо, аббат Полиньяк со своей стороны также преуспел в выполнении задачи, поставленной перед ним королём Людовиком: под знаменем принца де Конти собралась могущественная коалиция, включавшая могущественные кланы Любомирских и Сапег. С другой стороны, кандидатуру королевича Якоба поддержали магнаты Огинские, Вишневецкие, Пацы, Радзивиллы, коронный гетман Станислав Яблоновский, а также австрийский император Леопольд и русский царь Пётр – избрание французского принца означало бы выход Речи Посполитой из антитурецкой коалиции. Сам кардинал Радзиевский ловко лавировал между противоборствующими сторонами, поддерживая то одного, то другого кандидата, но таким образом, чтобы не нарушалось стратегическое равновесие.

Однако, преуспев в политических интригах, кардинал-примас допустил грубый политический просчёт – он приказал установить над своим креслом пурпурный королевский балдахин. Кусок алого бархата подействовал на радных панов, привыкших во всем видеть покушение на свои вольности и права, как красная тряпка на быка – в сейме поднялся крик.

- Балдахин устанавливается только над тронном короля!
- Интеррекс не является монархом!
- Присвоение монарших регалий есть покушение на золотые вольности шляхты!
- Примас узурпирует власть!

Кардиналу, скрепя сердце, пришлось отдать распоряжение снять балдахин.

Когда страсти вокруг балдахина немного улеглись, Радзиевский поднял вопрос о возвращении украинских земель, отошедших по «Вечному миру» к России. Шляхта разом переключилась с обсуждения вопроса о куске алого пархата на планирование нового похода на восток.

- Король Ян не имел права отдавать земли московитам! – шумело литовское панство.
- Границы Речи Посполитой священны и нерушимы! – эхом отдалось в польских рядах.

Внутренние распри были окончательно преданы забвению – весь зал был охвачен неистовым приступом патриотизма.

- Вернём Киев и Смоленск!
- Польша – бастион христианства и форпост Европы на востоке!
- Да здравствует Речь Посполитая от моря и до моря!

Какой-то шляхтич в новом, но не по размеру длинном, явно с чужого плеча, кунтуше, выхватил из ножен начищенную до блеска саблю-корабель и надрывно, петушиным голосом, прокричал:

– Расширим Польшу до границ ягеллоновых! Преподадим урок схизматам! Пойдем на Москву!

В ответ взметнулся целый лес древних, времён Сигизмунда Августа и Стефана Батория сабель и палашей.

- Где Русь – там Польша!...

Эта вакханалия и свистопляска продолжалась до сентября, когда во дворце появился русский посол Никитин и в присутствии радных панов передал примасу царскую грамоту и витиевато сообщил о взятии русскими войсками Азова:

– Теперь, ясновельможные господа сенаторы и вся Речь Посполитая, да знаете вашего милостивого оборонителя, смело помогайте ему по союзному договору, ибо он знаменем Кре-

³ «Разделяй и властвуй» (лат.)

ста Господня, яко истинный Пётр, отпирает двери до потерянного и обещанного христианам Иерусалима, в котором Христос Господь наш на престоле крестом триумфовал...

Известие о капитуляции турецкой твердыни оказало на опьяненную собственными воинственными речами шляхту эффект холодного отрезвляющего душа: крики о походе на Москву мгновенно смолкли, а дедовские сабли и палаши быстро скрылись в ножнах.

Примас, воздев к небу руки, громко произнес:

– Воздадим же хвалу Создателю за то, что ниспослал христианскому воинству победу над мусульманами! Я распорядюсь, чтобы все костёлы Варшавы отслужили мессу в честь сей славной победы!

Широкая окладистая борода дьяка едва скрыла усмешку.

– Великий государь Пётр Алексеевич желает знать, что сейм Речи Посполитой предпримет для борьбы с врагом христианским. Несмотря на Вечный мир, польские и литовские войска уже два года в походы не выступают.

С губ примаса слетел заранее подготовленный ответ:

– Конвокационный сейм сорвался, так надобно ждать сейма элекционного.

Со своего кресла встал великий коронный гетман Яблоновский.

– Войску посполитому надобно заплатить жалованье. Не удовольствовавши войско, делать нам нечего; пока не выберут нового короля, никакого дела не будет. Пусть же пошлет Господь нам государя доброго. Тогда и можем начать войну с общим врагом.

Аудиенция была окончена. Никитин уже поклонился интеррексу, когда в наступившей тишине раздался громкий голос великого гетмана литовского Казимира Яна Павла Сапеги:

– Никакого храброго дела московиты не показали – Азов был взят измором, а не штурмом, на договор, а не боем. Да и на море московиты захватили лишь небольшие суда. А потому хвастаться московскому царю нечем.

Русский посланник повернулся к Сапеге – великий литовский гетман стоял подбоченясь, сжимая в правой руке украшенную алмазами булаву, а в левой – золотой эфес венгерской сабли.

Никитин почувствовал, как запылали от гнева щеки.

– Всеу христианскому свету известно, что государевы войска не спали под Азовом, но беспрестанно и храбро дрались с неприятелем, – негромко, но четко произнес посланник. – А хотя бы Азов и на договор был взят, то разве можно в этом великого государя упрекать? Дай Господи Петру Алексеевичу, великому государю Московскому и Всея Руси самодержцу, взять на договор не только всю турецкую землю, но и самое государство Польское и княжество Литовское в вечное подданство привести. И тогда вы, поляки и литовцы, будете всегда жить в покое и тишине, а не так, как теперь, в вечной ссоре друг с другом от непорядка своего!

В наступившей тишине раздался громкий звон – это у одного из радных панов из рук вывалилась сабля.

Ни на кого не глядя, русский посланник прошёл меж рядами притихших сенаторов Речи Посполитой.

Никитин понимал, что ведёт игру на грани. Раздраженные дерзким поведением, сенаторы могли разорвать Вечный мир с Россией. Вернувшись на посольское подворье, посланник выжидал: какое решение примет сейм?

Первая реакция радных панов стала известна уже через день: посланник Священной Римской империи фон Страатман сообщил Никитину, что

сейм Речи Посполитой принял закон, согласно которому король польский впредь не будет именоваться утраченными по Вечному миру титулами – князем Киевским, Смоленским и Черниговским – тем самым Речь Посполитая официально отказывалась от претензий на утраченные по Вечному миру территории.

Русский резидент понял, что нанесенный удар достиг цели, и первая крупная победа, наконец, одержана.

Однако подлинные настроения шляхты были для него тайной. В донесении в Москву Никитин писал: *«11 сентября было в Варшаве по всем костёлам благодарное молебствие за взятие Азова, стреляли из пушек трижды по двенадцати выстрелов только для оказии, будто совершенно тому радуются, и были с поздравлением у меня от всех гетманов и воевод трубачи, сиповицки и литавицки, играли великому государю виват, а на сердце не то. Слышал я от многих людей, что они хотят непременно с Крымом соединиться и берегут себе татар на оборону; из Крыму к ним есть присылки, чтоб они Москве не верили: когда Москва повоюет Крым, то и Польшу не оставит; а к гетману Ивану Степановичу Мазепе беспрестанные от поляков подсылки».*

Между тем становилось понятно, что между королевичем Якобом и принцем де Конти сложилось своеобразное равновесие сил – а это означало, что России надо было делать ставку на нового кандидата.

Глава V. Варшава стоит мессы

В промозглый апрельский день в дубовом кабинете дрезденского дворца сидели три человека.

Первым был курфюрст Саксонии Фридрих Август I.

Внимательно смотрите в портрет кисти известного художника Шарля Буа – с холста на нас смотрит высокий статный мужчина, одетый в стальные доспехи, с накинутой на плечи горностаевой мантией. Лицо, обрамленное длинным париком, дышит целеустремленностью и благородством, левая рука опирается о бедро, в правой руке зажат скипетр. На голубой шёлковой перевязи вышит орден Белого орла, основателем и гроссмейстером которого был сам Фридрих Август. Справа, на задрапированном зеленой тканью столике, лежат королевские регалии: корона Болеслава Храброго, меч Щербец и держава. В верхней части слева тщательно прорисована эффектно спадающая драпировка из алого бархата, справа возвышается мраморная колонна – символ незыблемости королевской власти.

Следует признать: природа и судьба щедро одарили Фридриха Августа. Монарх, которому на момент данного повествования исполнилось двадцать семь лет, получил от своих подданных прозвище Сильный за необыкновенную физическую мощь: монарх легко ломал подковы, без труда скатывал в трубки серебряные талеры, играючи плющил в ладони кубки. Курфюрст был прекрасным наездником и страстным охотником: если верить историком, за двадцать лет пребывания на престоле на всевозможных охотах его рукой было перебито около ста тысяч зверей. В нюрнбергском цейхгаузе долгое время хранилось ядро весом в 450 фунтов, которое, по преданию, курфюрст приподнимал одной рукой на полметра, в то время как четверо силачей едва могли оторвать это ядро от земли.

Однако в этом могучем теле обитала слабая и тщеславная душа, избегающая любого труда, физического или умственного, и жаждавшая исключительно увеселений да плотских наслаждений. Неудивительно, что за свою долгую жизнь курфюрст одержал победы исключительно на любовном фронте: историки насчитали у него около семисот любовниц и триста шестьдесят пять внебрачных детей. В описываемый период курфюрст был увлечен красавицей Авророй фон Кёнигсмарк, которая полгода назад родила от Августа мальчика, в будущем прославленного полководца Морица Саксонского. Супружеская измена была для Августа событием настолько естественным, что он даже не стеснялся крутить романы в присутствии собственной жены.

Вторым собеседником был саксонский граф Якоб Генрих фон Флемминг, генерал-адъютант и доверенное лицо Фридриха Августа. Историки отмечают у Флемминга государствен-

ный ум, талант дипломата, и ораторские способности. Помимо прочего, граф имел многочисленную и могущественную родню, а двоюродная сестра графа Флемминга была замужем за польским сенатором, кастеляном хелмским Яном Ежи Пржебендовским.

Пржебендовский и был третьим собеседником. Так как кастелян хелмский сыграл не последнюю роль в нашей истории, расскажем о нем чуть подробнее.

В эпоху великих потрясений История выталкивает на поверхность людей, готовых ради достижения собственных целей пойти на любую авантюру. Вся жизнь Пржебендовского представляет собой настоящий приключенческий роман. Уроженец Пруссии, выходец из кальвинистской семьи, он начал службу ещё при Яне Казимире, успел повоевать с турками под Хотинном, а затем в качестве дипломатического резидента выполнить различные щекотливые поручения в Дрездене, Берлине и Париже. Однако, несмотря на знатное происхождение, природный ум и упорный характер, Пржебендовский так и не продвинулся по карьерной лестнице – он был кальвинистом, а занимать высшие государственные должности в Речи Посполитой могли только католики. Тогда он принял решение перейти в католицизм, и вскоре занял место в сенате, а затем стал одним из ближайших советников Яна Собеского, который назначил его хелмским кастеляном. В период бескорольевья Пржебендовский сделал ставку на Якоба Собеского, однако, когда шансы королевича стали стремительно уменьшаться, хемский кастелян перебежал в лагерь баденского принца, затем французского принца, но не найдя нигде понимания, прибыл в Дрезден и предложил свои услуги Фридриху Августу.

Пржебендовский держал речь перед курфюрстом, поминутно бросая взгляды в его сторону.

– Мы переживаем переломный момент. Польская корона на голове принца де Конти будет означать конец равновесия в Европе – германские государства, будучи зажаты между Францией и Польшей, станут послушными игрушками в руках Людовика. Нидерланды первыми будут проглочены французами, вслед за ней настанет очередь Франш-Конте и Лотарингия. Даже Пруссия не сможет избежать этого – она или вновь станет вассалом Польши, либо будет вовсе поглощена. Что же станет с Саксонией? Зажатая между Францией и Польшей, не будет ли она просто раздавлена этими державами? Сможете ли вы передать трон, доставшийся вам от славных предков, вашему законному наследнику?

Флемминг наклонился к курфюрсту.

– Это, увы, вполне возможно, ваше сиятельство.

Парик курфюрста чуть качнулся.

– Никто не допустит чрезмерного усиления Франции, – порывисто произнес Фридрих Август. – Император заверил меня, что не позволит Людовику превратить Польшу в свой задний двор.

На лице Пржебендовского мелькнула пренебрежительная усмешка.

– Выбор радных панов менее всего зависит от мнения австрийского кесаря.

– Но вы сами утверждаете, что радные паны уже сделали свой выбор в пользу принца де Конти.

Пржебендовский сделал шаг вперед.

– Настроение шляхты можно легко изменить – это всего лишь вопрос цены. К тому же резидент Людовика аббат Полиньяк изрядно поиздержался, а шляхта любит деньги.

Фридрих Август поднялся с кресла, взял со стола золотую табакерку и открыл крышку.

– Вопрос цены... В этом мире всё имеет цену. Но я не хотел бы оплачивать золотом воздух. Вы понимаете меня?

– Прекрасно понимаю, ваше сиятельство.

Курфюрст, бесцельно крутя табакерку в руках, подошёл к окну.

– Кто ещё претендует на польскую корону?

– Из заслуживающих внимания – никто. Королевич Якоб, сын покойного короля, из-за ссоры с матерью растерял большинство своих сторонников. Гетмана Яблоновского не изберет шляхта – поляки не желают видеть над собой такого же поляка – это было бы оскорблением для каждого из них. Польскую корону возжелал племянник их святейшества папы Иннокентия IX Ливио Одескальки – сей достойный муж пообещал, что, если радные паны проголосуют за него, он отдаст Речи Посполитой всех своих любовниц.

Август вдруг громко засмеялся.

– На месте поляков я проголосовал бы за этого кандидата, – курфюрст вытер глаза тонким батистовым платком. – Это все?

– Обсуждаются ещё кандидатуры маркграфа Баденского, герцога Лотарингского, курфюрста Пфальского. Но у всех них нет никакой поддержки.

– Никакой поддержки... – эхом отозвался Фридрих Август. – Но тогда чем мои шансы предпочтительнее прочих?

– Я уже имел беседу с имперским послом. Император Леопольд готов поддержать ваше сиятельство в борьбе за польский престол.

Губы курфюрста искривила небрежная улыбка.

– Мнение радных панов меньше всего зависит от австрийского кесаря – это не ваши ли слова, пан Пржебендовский?

– У нас будет ещё один союзник – московский царь Пётр. Он также полон решимости не допустить француза на польский трон.

– Московия – союзник слабый, – процедил сквозь зубы курфюрст. – Трон царя Петра непрочен – он делит престол со старшим братом, да и бывшая правительница Софья вряд ли добровольно откажется от своих прав. Кроме того, Пётр беден, как церковная мышь. А его войско? Это же сброд из бородатого мужичья, стрельцов времен Ивана Ужасного, да татар, вооруженных луками и стрелами.

Пржебендовский, исчерпав свои аргументы, посмотрел на Флемминга. Курфюрст заметил этот взгляд.

– Говорите, граф, я вас слушаю.

– Ваше сиятельство, из Стокгольма пишут: скончался ваш дядя, король Карл XI. Теперь шведская корона перейдет к вашему двоюродному брату Карлу.

Флемминг задел самолюбие Фридриха Августа – для него, саксонского курфюрста, королевская корона была недостижимой мечтой. А на чьи-то головы королевские короны готовы опуститься сами – как, например, на голову его кузена Карла, которому накануне исполнилось четырнадцать лет.

Курфюрст нервно забарабанил пальцами по подлокотнику кресла.

– Насколько мне известно, польский король обязан принять на себя определенные обязательства?

– Да, Генриховы артикулы – клятву, которую каждый элекционный король Речи Посполитой дает перед избранием на престол.

Пшебендовский развернул лист бумаги и начал читать:

– Мы, Божьей милостью король Польский, великий князь Литовский, Русский, Прусский, Мазовецкий, Жематийский, и прочая, объявляем настоящей грамотой, что ни мы, ни наши потомки не должны при жизни назначать или выбирать короля и возводить на престол нашего преемника с тем, чтобы право свободного выбора нового короля навсегда сохранялось бы за всеми коронными сословиями; о войне и посполитом рушении мы не должны ничего решать без сеймового постановления всех сословий; мы не должны выводить посполитого рушения за границу Речи Посполитой; мы обязываемся своими силами и за свой счет осуществлять оборону границы Республики Обоих Народов от вторжения любого неприятеля...

Курфюрст зевнул. Пшебендовский, словно не замечая реакции собеседника, продолжал невозмутимо читать:

– Мы обязываемся на каждом вальном сейме назначать шестнадцать человек из числа радных панов, которые постоянно находились бы при нас, без совета и ведения которых мы не должны ничего предпринимать в текущих делах; вальный коронный сейм должен созываться не реже, чем раз в два года; коронные должности должны сохраняться в неприкосновенности; шляхетские землевладения должны оставаться свободными; также специально оговариваем, что не будем вводить ни налогов, ни податей в наших королевских имениях и в имениях духовенства, а также пошлин в наших городах и во всех наших землях, входящих в корону, без разрешения всех сословий на вальном сейме; мы обещаем и присягаем за себя и за наших потомков никогда не заключать браков и не решать о них без оповещения и разрешения сенаторов...

Табакерка выскользнула из рук курфюрста и со звоном ударилась о мраморный пол. Пшебендовский на секунду прервался, но затем, возвысив голос, закончил:

– А если бы мы – от чего сохрани нас Господь! – выступили против прав, вольностей или что-нибудь не выполнили бы, тогда мы объявляем граждан двуединого народа свободными от послушания, от веры нам и от нашей власти!

В комнате воцарилась тишина. Наконец курфюрст прервал молчание.

– Это всё?

– Но это ещё не все, ваша светлость.

– Что же ещё?

– Вам надлежит также подписать *Pacta conventa*.

– Что в них?

Пшебендовский развернул второй свиток. Август поморщился.

– И, если можно, покороче.

– Своими силами и за свой счёт, то есть войсками курфюршества саксонского, взять у Шведского королевства Лифляндию, Эстляндию и Курляндию с городами Ригой, Ревелем, Нарвой и передать Речи Посполитой на вечные времена, а также сохранять в неизменности и соблюдать все законы, вольности, иммунитеты, привилегии, статуты королевства и особенно постановленные при коронации Генриха статьи, а также и все, относящееся к исправлению вольностей и законов, что будет представлено при коронации.

– Все польские монархи подписывали эти пакты?

– Все без исключения, ваша светлость.

– И все сдержали данное слово?

– Генрих Валенсий взял на себя обязательство погасить долги Сигизмунда Августа, выставить французских солдат против московского царя Иоанна Грозного, выплачивать ежегодно из личных доходов в польскую казну четыреста пятьдесят тысяч злотых, но, ничего не выполнив, бежал обратно в Париж. Сигизмунд Ваза от имени Швеции обещал передать Эстляндию к Польше, а также предоставить оружие для ведения войны против России. Но так как Сигизмунд в Швеции был детронирован, то своего обещания не выполнил.

Август вдруг засмеялся.

– Да хоть кто-нибудь из ваших монархов сдержал данное при коронации слово?

– Стефан Баторий исполнил, что обещал: заключил союз с Оттоманскою Империею, смирил крымского хана, освободил христианских пленников в Крыму, и присоединил к Речи Посполитой все её земли в Литве и Ливонии, завоеванные ранее московитами.

Крышка табакерки в руках курфюрста со звоном закрылась.

– Я готов побороться за польский престол.

– И последнее, ваша светлость. Для избрания вам необходимо принять Святое таинство крещения по католическому обряду.

Август поморщился.

– Я родился и воспитан в лоне евангельской церкви. Мой переход в католицизм не поймет ни моя семья, ни мой народ.

– Я принял католицизм, чтобы стать сенатором. Ваше сиятельство может сделать то же самое ради польской короны.

Август с минуту хранил молчание.

– Но принять католичество ещё не значит стать королём Польши. Как мне сохранить лицо в случае неудачи?

– Если не ошибаюсь, в 1540 году протестантские теологи позволили ландграфу гессенскому, ради сохранения его положения и земель, сделать вид, будто он перешёл в католичество и выполнять наружно все обряды, требуемые римской церковью. Кто мешает вам сделать то же самое?

Флемминг, до того времени хранивший молчание, выступил вперед.

– В конце концов можно совершить переход тайно.

– Что вы имеете в виду, граф?

– Можно зафиксировать факт перехода в католицизм на бумаге, не разглашая этого до того времени, когда начнутся выборы.

Фридрих Август бросил взгляд на советника, затем опять опустился в кресло, подпер щеку рукой и задумался. Флемминг и Пржебендовский застыли по обеим сторонам кресла в почтительных позах. Текли минуты – курфюрст продолжал хранить молчание.

Никто из присутствующих не знал, что саксонский курфюрст безоговорочно верил в пророчество немецкого мистика Пауля Гребнера, который некогда предсказал об избрании императора из рода Веттинов. Будущему главе католического мира якобы было суждено вначале стать королём польским, после чего быть избранным императором Священной Римской империи, расширить её границы, подчинив своей власти Данию, Гольштейн и Вюртемберг, а также присоединив к своим владениям европейскую часть Османской империи вместе с Константинополем... Да и кто сказал, что императорский трон должен принадлежать отпрыску Габсбургов? Императорскую корону носили Каролинги, Людольфинги, Гогенштауфены, Вельфы, Виттельсбахи, Люксембурги... Может быть, пришёл час примерить её представителю династии Веттинов? И пусть императорский престол не может принадлежать курфюрсту-некатолику – но из этого следует лишь то, что польский престол станет первой ступенькой лестницы, ведущей к трону Священной Римской империи...

Наконец курфюрст встал и глухо произнес:

– Варшава стоит мессы.

Глава VI. Глава Пламя над Стокгольмом

В середине XIII века шведский ярл Биргер Магнуссон – тот самый, войска которого в 1240 году в устье Невы наголову разгромили русские полки под командованием благоверного князя Александра Невского – основал на острове Стадхольмен деревянный замок, закрывающий проход в залив Меларен. Постепенно вокруг замка появились другие постройки – так возник Стокгольм, крупнейший город и столица Шведского королевства. Размеренно текли века, неспешно бились о скалы седые волны Балтики. Замок Трёх Корон – мрачный, гордый, неприступный – стоял непоколебимо, словно пустив глубокие корни в серую каменистую почву острова. Его стены и башни равнодушно наблюдали закат династии Фолькунгов, были свидетелем Стокгольмской кровавой бани, видели гибель корабля «Васа»...

Колокола на Риддархольмской кирхе отбили шесть раз. Ещё никто не знал, что в тот роковой майский день 1697 года колокола отбивали последние часы существования старого королевского замка!

Рано утром регент Шведского королевства, вдовствующая королева Гедвига Элеонора в сопровождении двух фрейлин: Катарины Валленстедт и Беаты Магдалены Виттенберг, прошла на галерею, которая вела к замковой кирхе.

Вдовствующая королева прожила долгую и удивительную жизнь. Венчание шведского короля Карла Густава и шлезвиг-гольштейнской принцессы Гедвиги Элеоноры стало результатом политической сделки: у алтаря Стокгольмского собора королевство Швеция и герцогство Шлезвиг-Гольштейн оформили союз против общего врага – Дании. Брак продлился всего шесть лет, после чего Гедвига Элеонора овдовела. Став регентом при малолетнем сыне Карле XI, юная королева, надевшая чёрное вдовье платье, быстро смогла постигать азы политики, умело лавируя между пфальцграфом Адольфом Иоанном Клеебургским, графом Магнусом де ла Гарди и риксдотсом Пером Браге. А так как судьбой ей было суждено пережить не только мужа, но и единственного сына, вдовствующей королеве пришлось брать бразды правления во второй раз, уже при малолетнем внуке – юном Карле XII.

Стоявшие в карауле у гроба солдаты преклонили колени перед вдовствующей королевой. В полутьме кирхи, напротив алтаря, лежало забальзамированное тело покойного короля Швеции Карла XI, скончавшегося месяц назад от рака желудка. Королева подошла к гробу сына, некоторое время задумчиво постояла, после чего опустилась на резную скамью – губы беззвучно зашептали молитву.

Вверху послушалось хлопанье крыльев. Богомолка подняла голову – под самой крышей в окне бился белый голубь.

Беата Магдалена Виттенберг склонилась к королеве.

– Ваше величество, нам уже пора.

Гедвига Элеонора с усилием встала со скамьи и тяжёлой походкой, опираясь на руку фрейлины, направилась к выходу.

– Мне сегодня всю ночь снились кошмары, – сказала королева, поднимаясь по ступеням винтовой лестницы. – Я шла по пустыне... небо было серое, ветер гнал низкие облака... я кричала, я звала кого-нибудь, но никто не откликнулся... я была одна... К чему это?

Возле личных покоев королеву ожидал пожилой мужчина в изящном чёрном камзоле и длинном, ниже плеч, парике – то был граф Бенгт Габриэльсон Оксеншерна, канцлер покойного короля Карла XI, в течение десятилетий державший в своих ухоженных и цепких руках нити внешней политикой Шведского королевства.

– Доброе утро, ваше величество, – Оксеншерна снял широкополую шляпу и склонился в низком поклоне.

– Доброе утро, господин канцлер, – королева повернулась к сопровождавшим женщинам. – Можете идти.

Дамы с поклоном скрылись, аккуратно притворив за собой дверь.

– Садитесь, граф, – королева, опустившись в кресло, указала собеседнику на стул. – Я вся во внимании.

Оксеншерна вынул из папки лист бумаги.

– Ваше величество, я должен сообщить, что король Людовик и король Вильгельм готовы начать переговоры о мире. Людовика будет представлять маршал де Буффлер. От имени Вильгельма переговоры будет вести фон Бентинк. Император Леопольд желал бы продолжения войны, но его финансы истощены, а войска измотаны. Таким образом, дело идёт к миру.

Королева посмотрела прямо в лицо собеседника.

– К какому именно миру, господин канцлер?

– По моим сведениям, Людовик готов признать Вильгельма королём Англии и Шотландии, а также вернуть Лотарингию Леопольду Иосифу. Взамен Людовик будет требовать себе Эльзас и Страсбург. Это всё, что мне пока известно. Только в любом случае, это не мир, а всего лишь перемирие.

– Поясните.

– Я полагаю, этот мир долго не продлится. Людовик уже сейчас собирает силы для новой войны. Всё зависит от того, сколько проживёт Карл Испанский. Едва он умрёт, Людовик заявит права на Испанию, и вновь заговорят пушки.

– Понятно. Что слышно в Варшаве?

– Пока не могу сказать ничего определённого. И Якоб Собеский, и и принц Конде имеют примерно равные шансы. Кого из них поддержит сейм, неизвестно. Но, к сожалению, саксонский курфюрст Фридрих Август также хочет побороться за польский престол.

Вдовствующая королева нахмурилась.

– Это точно?

– Увы, ваше величество.

Гедвига Элеонора закрыла глаза.

Складывающаяся ситуация её пугала. Саксонский курфюрст Фридрих Август тянет свои жадные руки к польской короне – если он сядет на трон Речи Посполитой, поляки непременно попытаются отобрать у Швеции Ригу. Естественным противовесом Польши могла бы стать империя, но сейчас Леопольд увяз в войне с Францией. Бранденбургский курфюрст Фридрих так и смотрит, чтобы оторвать от Швеции Померанию. Ливонское дворянство, эти пьяницы, лентяи и обжоры, только и ждут, чтобы восстать против Стокгольма. На востоке необъятная варварская Россия во главе с царём Петром жадно смотрит на Карелию и Ингерманландию. Наконец, датский король Кристиан – покарай его Небо! – хищно взирает на её родной Шлезвиг-Гольштейн. А её внуку, королю Карлу XII, ещё не исполнилось и пятнадцати лет, он ещё совсем несмышлёный ребёнок – его больше заботит охота на оленей и медведей, нежели государственные дела. Он не может и не хочет понять, что его родина, Швеция, буквально окружена врагами!

Раздался бой колокола – резкий, сбивчивый, тревожный. Распахнулись двери – в кабинет вбежала Катарина Валленстедт.

– Ваше величество, пожар!

Королева подняла голову, отвлекаясь от размышлений.

– Где пожар?

– Здесь, в замке! – дама показала рукой куда-то вверх. – Замок горит!

Гедвига Элеонора растерянно посмотрела на фрейлину, затем перевела взгляд на канцлера.

Где-то вдали послышались крики. Сквозь распахнутую дверь в кабинет начал проникать горьковатый запах дыма.

Оксеншерна подошёл к окну.

Южная часть замка уже была полностью объята огнем. Чёрный едкий дым скрыл шпиль башни. Пламя неуклонно расплзлось по крышам и стенам – из соседних окон вырывались яркие языки огня. По двору бегали слуги и солдаты в сине-жёлтых мундирах, вынося книги, картины, мебель.

– Ваше величество, надо бежать, быстрее!

Канцлер и фрейлина помогли королеве подняться с кресла. Внутренняя галерея уже была полна дыма. Закрыв лица платками, все трое проследовали через длинную анфиладу комнат, после чего вышли к лестнице и спустились во внутренний двор. Увлекаемая слугами, королева, как сомнамбула, подошла к воротам, как вдруг повернулась и указала на здание кирпичи, к которому уже приближался огонь.

– Тело... тело Карла!

В последнюю минуту солдатам удалось вытащить из кирпичи тяжёлый дубовый гроб с останками покойного короля.

К этому времени королевский замок представлял собой картину Страшного суда – языки всепожирающего пламени безжалостно уничтожали резную мебель, бесценные картины, старинные гобелены... Неожиданно раздался страшный грохот, и крыша южной башни рухнула – пламя на секунду разлилось в стороны, после чего опало. Бой колокола оборвался, и снова раздался грохот – это обрушилась западная галерея.

К утру от Замка Трёх Корон остались лишь дымящиеся каменные руины. Обыватели Стокгольма, глядя на почерневшие стены и пустые глазницы окон, вдыхая горький и едкий смрад пожарища, осеняли себя крестным знаменем и шёпотом переговаривались о том, что последние события: смерть короля Карла и гибель замка – являются предзнаменованием к более мрачным и страшным событиям, которые вскоре обрушатся на Шведское королевство.

Глава VII. Зал Московитов Кенигсбергского замка

Вечерняя мгла окутала Домский собор Богоматери и Святого Адальберта, древний замок рыцарей Ордена дома Святой Марии Тевтонской в Иерусалиме, шпиль кирхи Юддитен, крышу кирхи Святой Троицы в Хаберберге, башню кирхи святого Николая в Штайндаммере, колокольни костёла Святой Елизаветы, башенки ратуш Кнайпхофа, Альтштадта и Лёбенихта...

Над Кёнигсбергом тихо опускалась ночь.

Кёнигсберг! Основанный на землях уничтоженных германцами пруссов, этот город-крепость на столетия стал форпостом для немецкого «натиска на восток». Если бы камни умели говорить, то каждый камень крепости тевтонских рыцарей рассказал бы немало историй, написанных кровью и выжженных калёным железом.

В 1190 году герцог Швабии Фридрих VI фон Гогенштауфен основал новый рыцарский орден – Орден дома Святой Марии Тевтонской в Иерусалиме. Однако звезда крестоносцев уже начала неумолимо клониться к закату – во власти христиан оставалась лишь Акра. Вскоре тевтонские рыцари были вынуждены возвращаться обратно в Германию, где для ордена не было свободных земель, а становиться нищенствующими монахами благородные братья-рыцари не желали. Но ордену неожиданно улыбнулась удача – князь Мазовии Конрад из династии Пястов обратился к великому магистру Герману фон Зальцу с предложением разместить орден в Кульмской земле, дабы с помощью тевтонских мечей обратить в истинную католическую веру язычников-прусов. Впрочем, была у князя и другое желание – превратить тевтонских рыцарей в свое послушное орудие, дабы расширить собственные владения.

О политическая близорукость! Конрад Пяст не мог и представить, какое чудовище он приютил в собственном доме, сколько потоков крови прольётся из-за его необдуманного и легкомысленного поступка, сколько польских жизней оборвётся вследствие его безрассудных честолюбивых замыслов!

Впрочем, первое время всё, казалось, шло по плану польского князя. Братья-рыцари быстро освоились на польских землях, методично и планомерно вырезая пруссов и основывая на месте выжженных селений свои крепости: Мариенбург, Торн, Кенигсберг, Эльбинг, Орденбург, Гердауэн... Остатки коренного населения были ассимилированы и германизированы – и уже спустя два столетия от пруссов осталось только одно название. Когда миссия по «крещению» Пруссии была завершена, орден попытался расширить свои владения за счёт Пскова, Новгорода, Литовского княжества, а затем и очередь дошла до Польского королевства.

Первый удар колокола пробил в ноябре 1308 года, когда пришедшие на помощь Гданьску братья-рыцари вероломно обратили свои мечи против горожан и поголовно вырезали население и сожгли польский город, который несколько дней назад торжественно – на Библии! – клялись защищать. Лишь тогда польские монархи осознали опасность, исходящую от Ордена – но

понадобилось целое столетие непрерывных войн, пока в кровавый “Drang nach Osten”⁴ был, наконец, остановлен: в 1410 году под Грюнвальдом объединенное войско Восточной Европы наголову разгромило объединенное войско Западной Европы. Мощь Тевтонского ордена была подорвана – однако в роли невольного спасителя тевтонцев вновь выступила Польша – король Владислав I Ягайло, испугавшись собственной победы, приказал остановить боевые действия и подписал с орденом постыдный и позорный Торунский мир.

Но даже после столетий кровавых войн польские короли строили планы подчинить себе Тевтонский орден. Предпосылки для этого были – в 1511 году магистром ордена был избран Альбрехт фон Гогенцоллерн, приходившийся племянником польскому королю Сигизмунду Старому. Понадобилась ещё одна война, чтобы дядя и племянник, наконец, пришли к полюбовному соглашению: Сигизмунд дал добро на преобразование Тевтонского ордена в герцогство на правах вассала Польши, а Альбрехт принес вассальную клятву Сигизмунду. Казалось, отныне между Краковом и Кёнигсбергом наступила эра мира и взаимопонимания. Однако История пошла по пути, который никто не мог предсказать: ветвь прусских Гогенцоллернов пресеклась, и герцогство досталось курфюрстам Бранденбурга. Так Польша оказалась «зажатой» между двух владений Гогенцоллернов – Пруссией и Бранденбургом. Пока Речь Посполитая была сильна, подобное соседство ей ничем не угрожало. Но пройдут столетия, и Пруссия захватит большую часть исконно польских земель, а от Польши не останется даже названия: её бранные останки будут именоваться «Новой Восточной Пруссией», «Западной Пруссией», «Южной Пруссией»... Частью Южной Пруссии станет и Мазовия со своей столицей – Варшавой. Такова будет цена, которую заплатят потомки Конрада Мазовецкого за политическую близорукость своего недалёковидного предка...

Впрочем, вернёмся к нашему повествованию.

Вечером 9 мая 1697 года возле дома купца Христофора Негеляйна, расположенного на Длинной улице Кнайпхофа, остановилась карета с двумя лакеями на запятках. Из кареты проворно выскочил обер-президент государственного совета Герцогства Пруссии барон Эбергард Христоф Бальтазар фон Данкельман и, подойдя к двери, негромко постучал. Тотчас из дома, кутаясь в плащи, вышли два человека – фон Данкельман почтительно согнулся в поклоне и поспешил к карете, услужливо распахивая дверцы. Гости разместились на скамье, обер-президент сел напротив, кучер щёлкнул кнутом – и карета легко покатила по булыжным мостовым по направлению к орденскому замку.

А в самом большом зале замка, именуемом Залом Московитов, нетерпеливо расхаживал человек, одетый в расшитый золотом жюстокор из чёрного бархата, с золотыми пуговицами, серые шёлковые чулки и чёрные туфли из блестящей кожи с золотыми пряжками – то был маркграф и курфюрст Бранденбургский, герцог Прусский Фридрих III фон Гогенцоллерн. Было заметно, что его светлость немного нервничает: некоторое время он то рассматривал безукоризненно расставленные на обеденном столе столовые приборы, то подходил к окну, стараясь что-то разглядеть в вечерней мгле, то задумчиво застывал возле огромного деревянного глобуса. Наконец в коридоре послышались голоса, шум приближающихся шагов, двери распахнулись, и в Зал Московитов вошёл долгожданный гость – Пётр Алексеевич, Божьей милостью царь и великий князь Всея Великая, Малая и Белая Руси.

Фон Данкельман, согнувшись в поклоне и пятясь задом, неслышно притворил двери, оставляя монархов наедине.

– Рад видеть у себя столь высокого гостя, – Фридрих сделал жест рукой, указывая на сервированный стол.

Пётр, не заставляя себя упрашивать, опустился на резной золочёный стульчик. Курфюрст сел напротив и поднял гранёный фужер из богемского стекла.

⁴ «Натиск на Восток» (нем.)

– Брат мой, я пью за вашу страну, которая не имеет себе равной не только в Европе, но и во всем мире.

По губам Петра скользнула мимолётная улыбка.

– Если, разумеется, не считать вашего герцогства.

Фридрих, пригубив вино, со вздохом поставил фужер на стол.

– Не льстите мне, брат мой. Вокруг Пруссии и Бранденбурга, словно грибы после дождя, вырастают новые королевские престолы. Вильгельм Оранский надел на себя корону Англии и Шотландии. А мой кузен Фридрих Август вот-вот водрузит на голову польскую корону. Даже этот мальчишка, Карл фон Пфальц-Цвейбрюкен, стал королём Швеции. А Пруссия? Нам остаётся довольствоваться короной курфюрста...

– Но польский престол пока вакантен, – заметил Пётр.

Фридрих снисходительно улыбнулся.

– О нет, мне не по душе польские обычаи.

– Кстати о Польше, – Пётр вытер грязные руки прямо о белоснежную скатерть – Фридрих сделал вид, что не заметил этого. – Не скрою, что я не меньше вашего желаю саксонскому курфюрсту сесть на варшавский престол. Но одного желанья мало.

При последних словах курфюрст замялся.

– Я в душе полностью согласен с вами и также считаю, что для поляков будет истинным счастьем будет находиться под скипетром Веттинов. Но я не в состоянии оказать моему брату Фридриху Августу никакой помощи – для этого у меня нет ни сил, ни средств.

Пётр поставил фужер на стол. Он знал истинную причину отказа – король Людовик целенаправленно расчищая путь принцу де Конти к польскому трону, потребовал от бранденбургского курфюрста, чтобы тот не оказывал саксонцу никакой помощи.

В зале нависла неловкая тишина. Наконец курфюрст встал со стула и подошёл к огромному деревянному глобусу, установленному в углу зала.

– Брат мой, я понимаю вашу обеспокоенность. Но поймите и меня – Пруссия слишком мала, слаба, я бы даже сказал – ничтожна – по сравнению с вашей страной. Я зажат между крупных держав Европы, – Фридрих указал пальцем на две небольших, почти микроскопических, но выделенных золотой нитью области, расположенные к северо-западу и северо-востоку от Речи Посполитой. – Затронь я чьи-либо интересы – мою Пруссию раздавят, как скорлупку. Скажу больше: единственное, что заставляет считаться европейские дворы со мной, так это моя супруга, через которую я породнён с Вельфами. Для Бурбонов, Габсбургов, Пфальцев, Веттинов или Браганса, мы, Гогенцоллерны – всего лишь парвеню, с которыми стыдно садиться за один стол, – курфюрст толкнул шар, и земное яблоко медленно закрутилось вокруг своей оси.

– Ваша светлость смотрит на вещи слишком мрачно.

– Я смотрю на вещи так, как они есть, – с горечью в голосе ответил Фридрих. – Я намного старше вас, и я знаю европейскую политику изнутри. Позвольте быть мне откровенным – то, что я скажу вам сейчас, вам не скажет никто. Вы затеяли кампанию, обречённую на провал. Да, война, которую вы ведёте с ханом Крыма во имя дела христианского, уже снискала вам великую славу, не принесёт вам никакой выгоды. Времена крестовых походов – да подтвердят вам эти стены, – курфюрст взмахнул рукой, словно призывая в свидетели сводчатые стены зала Московитов, – безвозвратно миновали. Помяните моё слово – и Леопольд, и Вильгельм, и уж тем более Людовик не окажут вам никакой помощи. Они будут вам улыбаться, оказывать вам пышный приём – но при этом будут вредить вам во всяком начинании. Вы просто увязните в большой войне с Османской империей, причём увязните в одиночку. Но даже если вы полностью сокрушите Крым, чего вы добьётесь? Чёрное море есть внутреннее море Турции, и султан при любом раскладе закроет вам путь через проливы. А выход к Балтике сулит вашему величеству куда больше выгод. Раньше по нему пролегали торговые пути Ганзы, теперь на его берегах находятся мировые столицы. Но главное – если вы обратите свой взор к морю Балтийскому, то

обретёте многих союзников, а первый союзник находится перед вами, – вернувшись к столу, курфюрст вновь наполнил свой бокал красным вином. – Я не жду от вас ответа немедленно. Но знайте: двери моего дома всегда открыты для вашего царского величества. Уверен, что к этому союзу присоединится и наш брат Фридрих Август.

Пётр, не отвечая, раскурил трубку от свечи, затем встал из-за стола, подошёл к глобусу и остановил вращение земного яблока.

На часах ратуши Кнайпхоф пробило два раза, когда карета фон Данкельмана вновь оставалась на Длинной улице. Прусский обер-президент с низким поклоном распахнул дверцу – и Пётр в сопровождении Меншикова вошёл в гостеприимный дом купца Негеляйна.

Внутри царя уже ждал два гонца с письмами – из Варшавы и Вены. Резидент при дворе императора Леопольда дьяк Кузьма Никитич Нефимов сообщал, что турецкий султан через короля Людовика пообещал радным панам в случае избрания принца Конти вернуть Польше Каменец-Подольск. Эту информацию подтверждал и дьяк Алексей Никитин.

Пётр дважды перечитал оба письма, после чего спрятал их в карман. Борьба за трон польский престол, антитурецкий союз, за выход к морям – всё это сплелось в один гигантский клубок под названием «Европейская политика», разобраться в которой неискущённому молодому царю было далеко не просто.

Царь в сопровождении Меншикова поднялся в отведённую ему комнату. Спустя десять минут в доме купца Христофора Негеляйна послышался богатырский храп государя Всея Великая, Малая и Белая Руси.

Глава VIII. Диспут о “*Summae contra gentiles*” Фомы Аквината

Над Варшавой нависли густые свинцовые тучи. Холодные струи дождя стекали по черепичной крыше, барабанили в стёкла, в стремительном круговороте мчались по свинцовым водосточным трубам. Дворец Примасов был погружён во тьму – лишь в двух боковых окнах на втором этаже горел неяркий свет.

Архиепископ гнезненский Михаил Радзиевский, укутавшись в меховую накидку, сидел напротив камина и в пятый раз перечитывал послание его святейшества Иннокентия XII: римский понтифик уведомлял примаса Польши о том, что месяц назад курфюрст саксонский Фридрих Август принял в Бадене таинство крещения от епископа раабского Цейса. Кроме того, раабский епископ издал специальный акт, коим засвидетельствован переход курфюрста в лоно святой Римской католической церкви.

Архиепископ вложил послание папы в лежавший на столе фолиант, на кожаном переплёте которого тускло сверкнула надпись “*Summae contra gentiles*”⁵, после чего закрыл глаза и устало откинулся на спинку кресла. Примас не сомневался, что, ввязавшись в борьбу за корону Речи Посполитой, саксонский курфюрст без особого сожаления пожертвует верой отцов. Однако то обстоятельство, что на сторону Фридриха Августа встанет его святейшество Иннокентий XII, ломало всю хитроумную комбинацию, выстроенную Радзиевским для избрания принца де Конти польским королём.

Раздалась мелодичная музыка. Примас открыл глаза и посмотрел на настольные позолоченные часы, выполненные в форме небесного глобуса – осыпанная рубинами стрелка достигла латинской цифры "I". Вдалеке послышались торопливые шаги, дверь отворилась, и в кабинет вошёл костельный служка.

– Ваше высокопреосвященство, прибыл французский посланник. Вы просили его прибыть для диспута о Фоме Аквинском.

---

⁵ Сумма против язычников (лат.)

– Да, я помню, – Радзиевский взял бронзовую кочергу и помешал догорающие угли. –
Проси.

В кабинет неслышно вошёл Мельхиор де Полиньяк.

– Ваше преосвященство, хочу изъявить вам моё почтение и благодарность за то, что пригласили меня для беседы...

– Не будем тратить время на церемонии, у нас его не так много, – примас указал французскому посланнику на соседнее кресло. – А вот вопросов надо обсудить немало.

– Слушаю, ваше преосвященство, – аббат опустился в кресло.

Примас с минуту наблюдал за языками пламени, после чего перевёл взгляд на гостя.

– Во-первых, я хотел вам сказать, что представитель саксонского курфюрста граф фон Флемминг прибыл в Варшаву.

– Я об этом знаю. Не сомневаюсь, что он начнёт активно агитировать за Фридриха Августа.

– Он уже встретился с Огинским и Пацем. По имеющимся у меня сведениям, курфюрст заложил фамильные драгоценности и увеличил налоги. Кроме того, через банкира Исаака Беренда Леманна он продал герцогу Ганноверскому свои права на герцогство Сагсен-Лауэнбургское и заложил город Мансфельд саксонскому духовенству. В настоящее время курфюрст располагает суммой в четыре с половиной миллиона гульденов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.